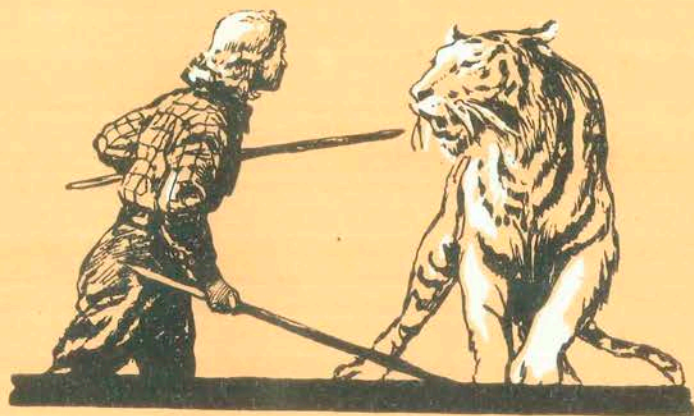
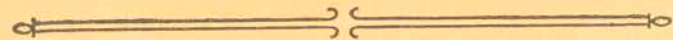

БИБЛИОТЕКА
КИНОДРАМАТУРГИИ

К.МИНЦ, Е.ПОМЕЩИКОВ

*Укротительница
тигров*

ИСКУССТВО

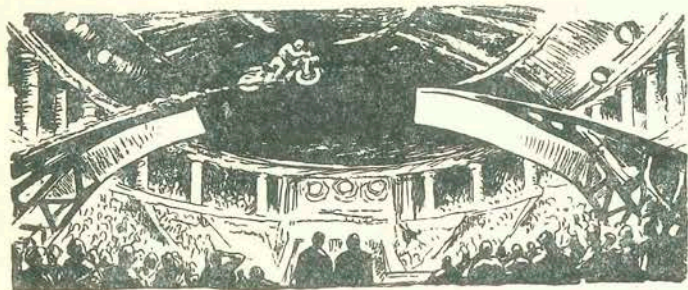
БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГИИ

К.МИНЦ, Е.ПОМЕЩИКОВ

*Укротительница
тигров*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСКУССТВО»
Москва 1955

Яркий солнечный день. На людной лесной поляне лента с надписью: «Старт — финиш». Сейчас здесь начнется мотоциклетный кросс по пересеченной местности — состязание сильных и смелых, парад высоких скоростей. Зрители расположились повсюду: на стоящих вокруг поляны грузовиках, на легковых машинах, у судейских столиков и даже на высоких соснах, абонированных гражданами в возрасте от 8 до 15 лет.

На старте выстроились мотогонщики.

Наше внимание привлекает один из них, внимательно глядящий вперед на дорогу. Стартер поднимает флаг, гонщики заводят моторы. Сквозь рев и гул доносится команда:

— Внимание! Приготовились! Пошли!

Стартер быстро опускает флаг — и гонщики трогаются.

Они вырываются со старта, взлетают в гору. По обочине трассы — толпы болельщиков.

Особенно волнуется пожилой грузный человек в

чесучовом костюме, с палкой в руке. Он придерживает от ветра соломенную шляпу. Это директор цирка, как мы узнаем впоследствии. Он с явным интересом следит за лидером гонок, на спине которого пузырится привязанная тесемками белая парусина с номером «9».

Шоссе. С ревом пронесится большая группа мотоциклов. Среди них выделяются знакомая нам «девятка» и мотогонщик с номером «1». Это молодой паренек Петя Мокин. Его рыжеватые волосы выбиваются из-под шлема.

Он пытается догнать «девятку», но безуспешно.

Мотогонщики пересекают овраг, окруженный контролерами кросса.

Река. Взрывая воду, мотоциклы, не останавливаясь, проносятся вброд. Брызги обдают Мокина, пытающегося завести заглохший мотор.

Бедняга пыхтит изо всех сил.

Болельщики перебегают реку по камням и занимают удобные позиции на пригорках.

Отсюда видно далеко.

Взволнованный директор цирка внимательно наблюдает за «девяткой» и восторженно приветствует ее появление на холме.

Широкая панорама мотокросса.

Гонщики мчатся, преодолевая крутые виражи, подъемы, головокружительные спуски.

Наконец перед ними возникает широкий и глубокий ров, который все они круто объезжают.

Не сворачивая, как это делали другие гонщики, «девятка» мчится прямо на ров, и... мотоцикл с гонщи-

ком пролетает на фоне плывущих облаков. Доносится восторженный крик одного из болельщиков:

— Ермолаев! Молодец!

Это неистовствует знакомый нам директор цирка, а Ермолаев тем временем обходит гонщика в красном шлеме и после крутого виража выходит на прямую, ведущую к финишу.

Финиш. Последние секунды мотокросса. Напряженная тишина. Взоры судей устремлены на примыкающее к поляне шоссе. Издали доносится еле слышный, постепенно нарастающий гул моторов.

Нарастают и крики:

— Девятка! Ермолаев! Ермолаев!!!

Шумит толпа. Все громче аплодисменты.

Зрители бегут к Ермолаеву, забрасывают его цветами и качают... вместе с мотоциклом.

— Ер-мо-ла-ев! Ер-мо-ла-ев!

Сменяющееся потное, усталое лицо Ермолаева.

Берег реки. Тишина. Щебечут птицы. Петя Мокин все еще пытается завести мотор своего мотоцикла.

Живописная поляна. В траве лежат два мотоцикла, рядом — Ермолаев и Мокин.

Насмешливо поглядывая на недавнего соперника, Ермолаев напевает: «Вдоль крутых бережков Волгаречка течет, а на ней по волнам Петя Мокин плыве-ет...».

— А все река, Федор Николаич, — как бы оправдываясь, говорит Мокин.

— А зачем ты на глубоком прыгал? — спрашивает Ермолаев, — не мог вброд пройти, как все люди делают?

— Дистанцию думал выиграть, — хмуро бормочет Мокин.

— Дистанцию... Мировой рекорд, — смеется Ермолаев. — Прыжок через Ниагару!

— Да ладно, ладно, — отмахивается Мокин, досадливо жуя травинку.

— Эх, ты, сын полка! — шутливо упрекает Ермолаев. — Ты же мальчишкой на фронте чудеса показывал... Чего ж ты сейчас растерялся?

— Ну, так то на фронте.

Ермолаев напевает: «Пришла и к нам на фронт весна, ребятам стало не до сна...»

— Эх, было дело! — воодушевляется Мокин. — Ну, а вот теперь, Федор Николаич, вы все на земле, а я все на воде... Ну, работка досталась! Вот уйдем в плаванье месяца на два и...

— «Прощай, любимый город, уходим завтра в море...» — подпевает Ермолаев, снисходительно поглядывая на своего молодого друга.

— Уходим! — улыбаясь, соглашается тот.

— «...и ранней порой...» — продолжает напевать Ермолаев.

— Федор Николаич! — перебивает его Мокин. — Ну, а вы? Решили? Остаетесь у нас или нет?

— Да не знаю, Петя, — неопределенно говорит Ермолаев. — Вот поработаю годок, присмотрюсь, а там видно будет.

— Ну, женим и так далее, — шутит Мокин.

Они встают, подходят к своим мотоциклам.

— Вот про тебя, действительно, говорят, что ты за девушкой ухаживаешь, — говорит Ермолаев. — Дай-ка ключ. А нет того, чтобы своего командира, так сказать, представить... В гости бы пришли, что ли.

— Да некогда ей сейчас, — с важностью отвечает Мокин, заводя мотоцикл.

— А что она у тебя ответственный работник, что ли? — заинтересован Ермолаев.

— Да ладно вам, Федор Николаич... — конфузится Мокин.

Ермолаев срывает цветок и преподносит ему.

— Вот. Подари от меня.

— Ладно вам смеяться, — хмурится Мокин. — Я с вами серьезно хотел посоветоваться, а вы... Ни слова теперь не скажу. — Он сердито бросает цветок в стору.

— У-у, да ты, я вижу, совсем по ушн, — с удивлением замечает Ермолаев и садится в седло.

Теперь мы их видим на дороге. Молодые люди едут домой по берегу реки. Заходящие лучи солнца золотят воду.

Пригород. Они подъезжают к небольшому домику с палисадничком, где буйно цветет сирень. Здесь живет Ермолаев.

— Может, зайдешь? — приглашает он Мокина. — Чайку попьем.

— Да нет, спасибо, — мрачно отвечает тот. — Мне пора домой, да и хозяйка у вас того...

— Зато хозяин — душа человек, — хвастает Ермолаев. — Пойдем!

— Нет. До свиданья, — отъезжает Мокин.

Комната на половине владельцев этого домика. За столом работает отец семейства Ферапонт Ильич. Это пожилой человек с добродушным и озабоченным лицом. Что-то подсчитывая, он отщелкивает на счетах. Посреди комнаты орудует Мария Михайловна — жена его, молодящаяся женщина лет пятидесяти, в очень пестром капоте. Во рту ее булавки, она помогает своей дочери Оленьке примерить платье и, не умолкая, назидательно говорит:

— Ты прежде всего пойми, что такое брак. Брак — это тайный заговор женщин против мужчин. Это война...

Ферапонт Ильич страдальчески глядит на жену и снова погружается в работу.

— На одной красоте не выедешь, — продолжает Мария Михайловна.

— Да? — насмешливо и с чувством превосходства спрашивает дочь.

— Да! — говорит Мария Михайловна. — Красота выручает тебя там... в кордебалете. Здесь же совсем другое дело.

— Дело? — иронизирует Оля.

— Он, — неожиданно переходит на шепот Мария Михайловна, указывая пальцем на стену, — Федор Николаич — это же образованнейший человек, а ты?

— А что я-а! — напевает Оля. — А что я-а-а? А что я-а-а?..

— Могла бы записаться на курсы текущей политики, — строго говорит мать. — Кто ты? Ты политически совершенно не подкована, не можешь поддерживать элементарной беседы. Скажем, что делается сейчас в Греции... в Китае... или на этих, на этой... в Индобразилии?

Подхватив последние слова матери и кокетливо разглядывая себя в зеркале, Оля напевает импровизированную румбу и подтанцовывает:

— Индобразилия... Индобразилия... Индобразилия...

— Перестань дурачиться, — обрывает ее мать. — Тысяча вопросов... А ты молчишь, как пень!

— Мама, что за выражения? — пожимает плечами Оля.

Ферапонт Ильич не выдерживает, бросает работу, умоляюще смотрит на жену и, указав рукой на сердце, жалобно начинает:

— Я вас прошу...

Махнув рукой, он уходит.

Не забыв поглядеть в зеркало и поправить прическу, Мария Михайловна замечает:

— Отец — он нервный, пожилой человек, но ты бы могла взять пример и с него. Ты знаешь, он берет вот та-ку-ю толстую книгу и переписывает в тоненькую тетрадь. И как он умудряется?

Комната Федора. Это уютная, но явно холостяцкая комната. На столе свалены книги, слесарный инструмент, цветы. Угол загромождают части разобранного мотоцикла.

Федор укрепляет полученную за сегодняшнее состязание медаль на бархатном щите, где красуется много других призовых медалей.

Стук в дверь.

— Войдите, — говорит Ермолаев.

— Разрешите, Федор Николаич? — входя, спрашивает Ферапонт Ильич. — Я на минутку...

— Пожалуйста, пожалуйста... — приглашает Федор бухгалтера.

— Извините, — мнетя Ферапонт Ильич. — Дома невозможно работать. понимаете... У меня квартальный отчет, смета, цифры, а дома черт знает что... Да... А это что у вас? — спрашивает он, указывая на медаль.

— Приз, — отвечает Ермолаев.

— Как? Еще один?! — удивлен Ферапонт Ильич.

Ермолаев кивает.

— Что же вы молчали, Федор Николаич? — укоризненно спрашивает бухгалтер. — Поздравляю, от всей души поздравляю!

— Спасибо, — благодарит его Федор, пожимая руку. — Курите.

Но Ферапонт Ильич отвергает протянутую коробку.

— Нет-нет, бросил. Сердце, знаете ли, и прочее... А все они... Лесопилка на дому... — указывает он на стенку, за которой, как мы знаем, находятся его дочь и жена. — Все пилят, пилят и, знаете...

В комнату без стука wpłyвает Мария Михайловна. Лицо ее сияет.

— Федор Николаич, выпейте с нами кофейку за компанию.

— Спасибо, Мария Михайловна, — отвечает Федор. — Я уже пил.

Продолжая улыбаться, Мария Михайловна подходит к Ермолаеву. У нее в руках большая фотография, на которой изображена Олечка в балетной пачке.

— Кстати, вы не будете возражать, если вот эту фотографию Олечки я повешу у вас в комнате... на прежнее место?

— Хм... пожалуйста, — добродушно говорит Федор. — Пусть висит.

Разгадав несложный маневр своей супруги, Ферапонт Ильич укоризненно качает головой.

Мария Михайловна одаряет жильца еще одной очаровательной улыбкой и укрепляет фотографию на стене. Вдруг она замечает на столе огромный букет цветов, преподнесенный Федору на финише.

— Боже, какая прелесть! Федор Николаич, можно мне цветочек, а?

— Пожалуйста, берите, — разрешает Федор.

Мария Михайловна хватает весь букет и выходит из комнаты.

— Олечка! Олечка! — зовет она.

Появляется Олечка.

— Федор Николаич, — говорит она, вертясь перед зеркалом. — Звонил директор цирка и просил вас зайти завтра от трех до пяти.

— В цирк? — удивлен Федор.

— Да, в цирк, — кокетливо отвечает Олечка.

— Зачем это? — не понимает Федор.

— Не знаю... — жеманничает она.

Федор закуривает папиросу.

— От трех до пяти... В цирк? Странно!

Огромная красочная афиша — «Казимир Алмазов».

На афише изображены четыре тигра — три из них сидят на пестрых тумбах, а четвертый прыгает сквозь пылающий обруч. Ермолаев подходит к афише с тиграми и с любопытством разглядывает ее.

Из цирка стремительно выбегает человек. На нем нет лица. Толкнув Федора, он на ходу извиняется.

— Простите, пожалуйста... Там...

— Ошалел, что ли? — пожимает плечами Федор и входит в цирк.

Здесь его поражает тишина. Федор удивленно поднимается по лестнице, где на ступеньках почему-то валяются авоська с продуктами и чья-то шляпа. Подобрал их, Федор идет дальше.

Всюду беспорядок: упавшие стулья, счеты...

Федор подходит к двери директорского кабинета, смотрит на свои часы и стучит в дверь. Никто не отвечает.

Кабинет директора. На большом письменном столе хозяйничает уссурийский тигр. В кабинете, кроме тигра, никого нет. Тигр обнюхивает телефон, который как раз теперь звонит; заворчав, тигр хватает зубами трубку, и теперь слышен голос:

— Товарищ директор?... Алло...

Тигр нервничает, рычит, грызет трубку, но нетерпеливый голос продолжает:

— Алло! Алло! Товарищ директор!..

Коридор. Ермолаев снова стучит в дверь кабинета, затем открывает ее и... оцепенев, замирает на пороге.

Тигр роняет телефонную трубку, нервно хлопает хвостом, сшибает лапой телефонный аппарат.

Ошеломленное лицо Федора. Кое-как придя в себя, он пятится к двери. Тигр, зарывав, прыгает со стола.

Федор успевает захлопнуть за собой дверь.

Тигр встает на задние лапы, наваливается на дверь.

Дверь ходит ходуном. Филенка разбита когтистой лапой. Лицо Федора покрывается каплями пота.

— Пурш! Пурш! — раздается испуганный возглас из глубины коридора, и мы видим бегущую девушку лет восемнадцати, в парусиновом комбинезоне и грубых башмаках, с метлой в руке. Белокурые волосы девушки повязаны косынкой. Запыхавшись, она останавливается, еле переводя дыхание, затем подбегает к Ермолаеву, пытается помочь ему, но в этот момент дверь не выдерживает, и зверь выскакивает в коридор, падая на передние лапы. Желтые глаза его мутны от ярости, уши прижаты.

Федор оттесняет девушку в угол, а сам становится перед ней.

— Пустите... не мешайте... что вы! — возмущена девушка.

Взмахнув метлой, она гонит присмирившего тигра по коридору.

Федор с изумлением следит за ней. Доносится голос Лены:

— Домой, Пурш! Назад! Домой! Домой! Пурш!

В другом конце коридора открывается обитая железом дверь с надписью «Касса», из которой, взволнованно жестикулируя, крича и негодуя, появляются директор цирка Никита Антонович (мы его видели

на мотокроссе), затем кассирша, а потом один за другим разъяренные сотрудники из отдела кадров, бухгалтерии и месткома. Коридор сразу становится шумным и тесным.

— Кажется, все, — шепчет директор цирка. — Можете выходить, товарищи.

Заметив Ферапонта Ильича, он, усмехнувшись, говорит:

— Как?! И вы здесь прятались? Любопытно... Эмми Степановна, — обращается он к кассирше, — вот вы жалуетесь, что у вас в кассе тесно, дышать нечем, а я вижу здесь спокойно дышали пять человек из бухгалтерии, местком в полном составе, отдел кадров...

— Между прочим, и вы, товарищ директор! — сердится Эмми Степановна. — Да, да! Сидели в моей кассе, вместо того чтобы как руководитель предприятия мобилизовать... возглавить массы на ловлю хищника.

Теперь Эмми Степановна видит девушку, загнавшую тигра.

— Доченька! Где ты была? — с испугом спрашивает она, обнимая ее.

— Мама, — восторженно выпаливает девушка. — Он меня послушался!

— Кто он? — не понимает мать.

— Пурш! — ликует девушка. — Я загнала его!

Но Эмми Степановна вовсе не разделяет восторга дочери.

— Леночка, сколько раз я тебя просила, уйди отсюда, брось эту работу.

Хриплый крикливый голос перебивает ее:

— Воронцова! Идите сюда!

Это укротитель тигров Казимир Алмазов. Очень высокий, средних лет, он то и дело пощелкивает стеклом по своим кожаным крагам.

Эмми Степановна не обращает на него никакого внимания.

— А где мой Вася? Вася! — кричит она.

— Вася? — переспрашивает Ферапонт Ильич, вздрогнув. — Какой Вася?

— Кто? — недоумевает директор цирка.

— Вася! — заламывает руки Эмми Степановна. — Мой Вася! Его съели!!

— Да не говорите вы глупостей, — сердится Никита Антонович. — Если бы съели — осталось бы что-нибудь! Ну ботинки, пуговицы...

Не слушая директора, Эмми Степановна хватается за рукав и увлекает за собой.

— Нет, вы его не знаете, пойдемте, пойдемте!

— Товарищ директор! — пытается обратить на себя внимание Федор.

Не узнав его, директор на ходу отвечает:

— Работайте, товарищи, работайте, работайте.

Буфет цирка. Здесь полный беспорядок. На полу разбросаны посуда, стулья. Эмми Степановна вбегает, опережая всех. За ней спешат директор, Ферапонт Ильич и другие сотрудники.

Вдруг Эмми Степановна в отчаянье останавливается и быстро наклоняется.

— Вася! Вася! Сердце мое! — шепчет она, поднимая с пола ботинок и, видимо, полагая, что это все, оставшееся от ее супруга. — Никита Антоныч!

— Спокойно. Только спокойно, — говорит Никита

Антонович, но видно, что и ему не по себе.— Здесь есть хоть одна живая душа?

Из-за буфетной стойки появляется голова насмерть перепуганной буфетчицы.

— Я... я... живая.

Бухгалтер подбегает к буфетчице.

— Мария Ивановна, голубушка...

— Где Вася?! — перебивает Эмми Степановна, прижимая к груди найденный ботинок.

Буфетчица испуганно указывает на белоснежный двухкамерный холодильник, красующийся позади буфетной стойки.

Эмми Степановна устремляется к холодильнику и открывает первую из его тяжелых дверей.

Здесь только сыры и колбасы.

Эмми Степановна открывает вторую дверь.

В обрамлении висящих розовых сосисок обнаруживается Василий Васильевич Воронцов — ее супруг и отец Леночки. Его синяя форма заиндевела, на бровях и усах снежок, а зубы выбивают мелкую барабанную дробь.

— Вася! — залившись слезами, шепчет Эмми Степановна.

— Где тигр? Где тигр? — стуча зубами, вопрошает Василий Васильевич.

— Васенька, милый, дорогой,— бормочет Эмми Степановна и вместе с Никитой Антоновичем вытаскивает Василия Васильевича из холодильника. Его руки и ноги ооченели настолько, что сгибаются с трудом.

— Ну, дайте ему чего-нибудь... горячего, чаю, что ли? — говорит директор. — Он совершенно заморожен.

Дрожащими руками буфетчица торопливо наливает стопку коньяка.

— Я совершенно того... — бормочет Василий Васильевич.

— Василь Василыч, вы топайте, топайте, — горячо убеждает его директор. — Главным образом топайте.

— Топайте, топайте, — поддакивает бухгалтер.

Василий Васильевич послушно топает и даже приседает, виновато бормоча:

— Я не знал, что этот хо-хо-хо-лодильник открывается только снаружи.

Возмущенная Эмми Степановна уже не слушает мужа и бушует на весь буфет.

— Безобразие! Казимир Алмазов плюет на общественность, на дисциплину труда...

— Что-что? — гаркает Алмазов, появляясь в буфете. За ним идут Лена Воронцова и Телегин, ассистент Алмазова, старый человек, со шрамами на лице. — Это ваша уважаемая дочь не закрыла клетку после уборки!

— Неправда, — спокойно замечает Телегин. — Это ты не запер!

— Замолчи! — обрывает его Алмазов. — Разбаловал девчонку, думаешь, не знаю, что ты ее натаскиваешь? — он саркастически хохочет. — Курсы, видите ли, открыл на конюшне.

— Да, учу, — твердо, но не повышая голоса, отвечает Телегин. — И не только ее...

— Ну и что ж такого, товарищ директор! — всхлипывает Лена. — Я учусь, да, я учусь, учусь!

Федор с любопытством наблюдает за происходящим, сочувственно поглядывая на девушку.

— Подождите, Воронцова, подождите, — сердито говорит директор. — А вы что же это, товарищ Алмазов! — Всякий раз у вас то одно, то другое... и всегда виноваты не вы, а почему-то технический персонал. Я вынужден буду сообщить об этом в Главное управление цирков.

— Сколько угодно! — высокомерно отвечает Алмазов, похлопывая стеклом по кожаным крагам. — Алмазов — это аттракцион! Имя! Афиша! Публика! Касса! Ах, я вам не нравлюсь, вы верите этой девчонке, а не мне? Пожалуйста! Очень хорошо! Будьте любезны! (Лене.) А ты имей в виду, будешь изображать из себя дрессировщицу, выгону! Не забывай, кто ты — уборщица и все! (Орет.) Ближе к зверям не подпущу! За-пре-щаю!

Он натывается на упавший стул и под общий хохот уходит.

Лена всхлипывает.

— Хорошо, Воронцова... разберемся... — сердито заключает директор и только теперь замечает Федора Ермолаева, скромно стоящего в углу.

— А-а, товарищ Ермолаев, здравствуйте. Я, признаться, жду вас с нетерпением.

— А ведь, знаете, — улыбается Федор, — я давненько тут...

— Да? — удивлен директор.

Ермолаев кивает.

— Ну-ну, — несколько смущен директор. — Тем не менее прошу вас ко мне в кабинет. Пожалуйста.

Оба подходят к кабинету, и Никита Антонович любезно распахивает перед Федором дверь.

— Прошу вас.

Федор задерживается на пороге и опасно заглядывает в кабинет.

— Надеюсь, он был один? На афише я видел четырех.

— Что вы, что вы, — смеется Никита Антонович и пропускает Ермолаева вперед.

Кабинет директора. Старушка уборщица приводит его в порядок.

— Ну, денек! — вздыхает директор. — Да, доложу вам...

Федор садится и с любопытством оглядывается:

— Чем могу быть полезен?

— Видите ли, товарищ Ермолаев, — нерешительно начинает Никита Антонович, приводя в порядок свой письменный стол. — Я, признаться, в некотором затруднении...

Федор вопросительно глядит на него.

— Но характер у меня прямой, солдатский, — продолжает директор, — поэтому спрошу сразу: вы не хотели бы пойти в цирк?

— В цирк? — удивлен Федор. — Спасибо, я эту программу видел.

— Да нет, — смеется директор. — Нет, вы не так поняли. — Он обходит письменный стол и подсаживается поближе к Федору. — Пойти в цирк работать...

— Работать? — переспрашивает Федор. — Что-то я вас не понимаю, Никита Антонович.

— Ну... стать артистом! — поясняет директор.

Как раз теперь открывается дверь, и в кабинет ре-

шитительно входит Эмми Степановна, а за нею — Лена и Василий Васильевич.

— В чем дело, товарищи?! — недовольно спрашивает Никита Антонович, поднимаясь с кресла.

— Сидите, сидите, — «разрешает» Эмми Степановна.

— Но я занят, товарищи, — строго говорит директор.

Это заявление не производит на Эмми Степановну никакого впечатления.

— Все мы сейчас заняты, Никита Антонович, но бывают минуты, когда решается биография человека. Ведь мы люди, а не ванильные сухари. Я требую, товарищ директор, чтобы моя дочь сейчас же подала заявление об уходе из цирка.

Лена подбегает к столу.

— Мама, я все равно этого не сделаю! Никита Антонович, — обращается она к директору, — я прошу вас... Ну... вы понимаете, Никита Антонович, я не могу без цирка. Не могу же я уйти от зверей! Да вы знаете...

Федор с удивлением глядит на девушку, которая совсем недавно загнала уссурийского тигра на конюшню метлой. Сейчас она плачет.

Эмми Степановна патетически указывает на дочь.

— Она еще не знает, что такое Казимир Алмазов! Почему ты молчишь? — обращается она к мужу.

— Эмми... — умоляюще бормочет Василий Васильевич.

— Никита Антонович, — повышает голос Эмми Степановна.

— Эмми Степановна! — нетерпеливо ерзает в кресле директор и вдруг кричит: — Перестаньте реветь,

Воронцова! Эмми Степановна, мы обязательно разберемся в этом деле, но сейчас я занят... Поймите.

— Никита Антонович, — сдаётся наконец Эмми Степановна, — я вас прошу, очень прошу...

И со старомодной грацией, к полному изумлению Федора, она выполняет посреди кабинета сложный цирковой «комплимент».

Когда дверь за семьей Воронцовых закрывается, Никита Антонович поясняет:

— Вы не удивляйтесь, Федор Николаевич, она не всегда была касиршей. Это старая цирковая семья. Он — бывший клоун, а она... — директор в восхищении закатывает глаза, — может, видели в детстве «Мадемуазель Эмми Сальторино — высшая школа верховой езды»? М-м!.. — прищелкивает он пальцами.

— Нет, не приходилось, — отвечает Федор.

— Жаль, — вздыхает Никита Антонович.

— Ведь я далек от цирка, — говорит Федор. — Моя сфера, так сказать... высшая школа мотоезды.

— Вот-вот! Вот поэтому-то я вас и пригласил, — подхвывает директор. — Вы представляете себе афишу...

— «Клоун на мотоцикле»? — улыбается Федор.

— Нет, зачем, — возражает Никита Антонович и, отступив от Федора на несколько шагов, громко говорит, как бы объявляя номер на манеже: «Федор Ермолаев — летающий мотоциклист!»

— Это я что-то, Никита Антонович, видел в этом роде, — замечает Федор.

— Нет-нет, — машет руками директор, — что вы?! Совсем не то! Человек вы смелый, мотоциклист виртуозный, — он подсаживается к Федору и шепотом, очень

доверительно сообщает: — Есть у меня одна идея...
Прошу вас сюда в уголок...

Конюшня. Лена Воронцова разбрасывает свежие опилки в клетке Пурша, затем обращается к тигру.

— Безобразник ты, вот и все. Ну скажи, ну зачем ты пошел к директору? Ну зачем? Ставка тебе не по душе? Или, может, условий нет для работы? А в местном для чего ворвался? Что тебе, путевка понадобилась? В бухгалтерию попал... зачем? Что ты там потерял? Дурашка ты, вот и все. Молчишь, ходишь теперь, чувствуешь свою вину, конечно. Ах ты, мой дурачок, на вот воды, пей, успокойся!

Она наливает поилку, треплет тигра по шее, тот звучно лакает.

— Ах ты, мой дорогой, — задумчиво продолжает девушка и вдруг вздыхает: — Вот уйду я от вас, что будете делать?

— Директора не видала? — спрашивает бухгалтер цирка, проходя с бумагами мимо Лены.

— Нет, Ферапонт Ильич, не видала, — оборачивается девушка.

Бухгалтер проходит дальше, идет мимо верблюдов, лошадей, пони.

Поровнявшись со слоновником, он останавливает проходящего мимо молодого человека небольшого роста.

— Стенгазете привет! Здравствуйте, товарищ Мышкин! Мышкин приветливо улыбается.

— Товарищ Мышкин, — деловито говорит бухгалтер, — как вы считаете: не пора ли в нашей стен-

газете отметить работу бухгалтерии? Вот мы финансовый отчет сдаем раньше времени...

Как раз теперь слоновый хобот протягивается над бухгалтером, выхватывает у него папку и... отправляет ее в необъятный слоновый рот.

— Отчет! — раздается отчаянный вопль помертвевшего бухгалтера. — Квартальный отчет!.. Помогите!

Поблескивая глазками, слон хоботом закидывает в пасть остатки отчета, а бухгалтер, пытаясь вырвать у него плод своих бессонных ночей, спасает, однако, лишь несколько листов.

— Отчет! — стонет Ферапонт Ильич. — Караул! Подняв хобот, слон трубит на весь цирк — не то от сочувствия к бухгалтеру, не то от того, что ему очень понравился отчет.

Бледный как полотно бухгалтер бежит из слоновника.

— Господи! — кричит он. — Что же это такое? Отчет!.. Нет, товарищи, работать в цирке нельзя!

Кабинет директора.

Никита Антонович и Федор стоят у небольшого столика, на котором установлена модель конструкции аттракциона «Полет под куполом».

— Так-так, — в раздумье говорит Федор, рассматривая модель. — Значит, в этом и заключается ваша идея, Никита Антоныч?

— Да! — возбужденно подтверждает директор. — Ну, как, нравится? Одну минуточку, Федор Николаевич! Опять, кажется, что-то случилось, — прислушивается он к шуму, доносящемуся из коридора.

Распахивается дверь, и в кабинет вбегает Ферапонт Ильич с жалкими остатками отчета в руках. За стеклами его пенсне блуждают растерянные глаза.

— Вот! — восклицает Ферапонт Ильич и протягивает директору один из листов бывшего отчета.

— Что — вот? — удивлен директор.

— Слон! — поясняет бухгалтер.

— Что — слон? — недоумевает Никита Антонович. — Сбежал? Взбесился?

— Хуже. Съел квартальный отчет, — еле выговаривает Ферапонт Ильич и, покачнувшись, садится на стул.

Федор сдерживает улыбку.

— Фу ты, боже мой! — раздражается Никита Антонович. — Вот так все время: то одно, то другое... То есть, нет... — спохватывается он, покосившись на Федора, — нет, вы не думайте, Федор Николаевич. Это у нас не каждый день. И вообще — ерунда!

— Хорошенькая ерунда, — страстно вмешивается Ферапонт Ильич. — Подумайте, Федор Николаевич, какой отчет: копейка в копейку. Целый месяц работы... бессонные ночи... Вся бухгалтерия...

— Верю, — участливо говорит Федор.

— А вы тоже хороши, Ферапонт Ильич, — сердится директор. — Явились в слоновник с квартальным отчетом! Что, слону на подпись несли, что ли?

Ферапонт Ильич в отчаянье хрустит пальцами.

— Слушайте, может, его того... в поликлинику отправить? Сделать там промывание желудка, рентген, просвечивание? Боже мой, боже мой... — И, не дождавшись ответа, он, шатаясь, выходит из кабинета.

Проводив несчастного бухгалтера до двери, Никита Антонович оборачивается к Федору.

— Ну так вот, Федор Николаич, вернемся к нашему делу. Каков же будет ваш ответ?

— Что ж, Никита Антоныч, — говорит Федор и встает с кресла. — Идея ваша, конечно, очень занятна. И много интересного я видел сегодня, но...

— Что же вас останавливает? — обеспокоен Никита Антонович.

— Ну, прежде всего нужно бросить спорт... — начинает Федор, но Никита Антонович тотчас хватается за руку.

— Зачем вам бросать спорт?! Поймите, Федор Николаевич, вашим номером вы как раз будете пропагандировать неограниченные возможности мотоспорта!.. Силу, волю, смелость. Да мы вас прямо в конвейер...

— Что? — не понимает Федор. — Куда, куда, вы сказали?

— Я говорю — включим в цирковой конвейер, — улыбается директор. — Ну, в поездке: Средняя Азия, Кавказ, Сталинград...

Федор смеется.

— На Алтай! — веско говорит директор. — Ну, так как же?

— Скажу откровенно, Никита Антоныч, — помолчав, отвечает Федор, — смутили вы меня... Уж большой крутой вираж в жизни.

— Советую подумать, — убеждает его Никита Антонович, провожая до двери. — Стоящее дело!

— До свиданья, Никита Антоныч, — прощается Федор.

Вечер. Бульвар. Крутой берег. С реки доносятся далекие пароходные гудки. А где-то за деревьями духовой оркестр играет вальс.

На скамейке сидит Лена Воронцова. Рядом с ней — Петр Мокин. Он в форме речника. У обоих в руках цветные воздушные шары на ниточках.

— Правильно мать говорит, уходи, уходи из цирка! Лена, ну зачем тебе цирк? — с жаром и юношеской горячностью убеждает Мокин. — Сегодня тигр выскочил, а завтра слон на ногу наступит... Точно! Слушай, это ведь только в старое время так было: если отец, мать циркачи, так ребенку одна дорога — на манеж. А сейчас? — он встает, обходит скамейку и для большей убедительности выразительно шепчет: — Чего задумываться, Алена? Куда хочешь! Эх, а если откровенно сказать, шла бы ты к нам на водный транспорт. Сколько девушек хороших плавают! И опять же, я рядом...

Он смотрит на нее, ожидая ответа хотя бы на этот довод, потом вздыхает:

— Ну это тебе, конечно, все равно, — он садится, но тут же вскакивает. — Да чего ты молчишь?!

Лена поднимается.

— Как это тебе легко разговаривать, Петя! — сердито говорит девушка. — «Уходи из цирка, уходи из цирка!» — передразнивает она его. — А вот почему я должна уходить? Ну вот, скажи ты мне толком, почему-му?!

— Да издевается над тобой Казимир этот... — вскипает Мокин. — В лаковых сапогах...

— В ботфортах, — упрямо поправляет она.

— Ну, хоть и в борт... борт... — путается Мокин. —

Ну, в этих... как их, черт их бери?! Вот съедят тебя тигры — и этим кончится.

— Вот и пусть съедят! — зловеще говорит Лена, несомненно, представляя себя в пышном гробу, — а я все равно своего добьюсь! Да если цель перед человеком ясная, он все равно своего добьется! А не добьюсь — вот тогда пусть и съедят! Так, знаешь, прямо на куски. Так всю и разорвут, — пугает она Мокина.

Тот даже вздрагивает.

— Ну, знаешь, ты эти шутки брось, понимаешь! — мрачнее он. — У меня и так сердце растравлено который год...

Девушка строго глядит на него, он смиряется:

— Ну, молчу, молчу.

С реки слышна невучая сирена речного трамвая.

— Лена, пойдем на лодке покатаемся? А? Луна...

Ну и все такое...

Подумав, она важно отказывается:

— Нет, Петя, не пойду я на лодке кататься.

— Ну пойдем, провожу тогда.

— А я не хочу домой.

— Темнеет уже... — убеждает он. — Мало ли что...

— Ничего, Петя, сама дойду, — решительно заканчивает Лена разговор. Но Мокин все же отваживается взять ее под руку.

Девушка становится совсем неприступной.

— Ну и пожалуйста, — обижается Мокин и демонстративно отступает от нее. — Только ты так и знай: без Петьки Мокина никуда не дойдешь, поскольку Мокин... — ищет он подходящего слова, — поскольку Мокин, может быть, готов для тебя на все! И даже больше — в огонь и в воду, если хочешь знать... Эх,

Алена... — И он с жаром стискивает свой воздушный шар, который громко лопаётся. — Вспомнишь, ещё спохватишься, да будет поздно!

Быстро устремляется он вниз по обрыву, ведущему к реке. Из-под ног его шумно катятся мелкие камешки. Он спотыкается.

Перед ним темная река.

Лена испуганно кричит:

— Петя! Петя! Куда ты?

Но Мокин уже не слышит ее и скрывается в темных кустах.

— Петя! — еще раз кричит Лена, но вдруг порыв ветра выхватывает у нее шар и уносит его.

Девушка вскрикивает и бежит вдогонку.

Музыка с бульвара доносится громче. Шар минует освещенную фонарями веранду на берегу реки и цепляется за ветку дерева, под которым сидит в одиночестве Федор. Он становится на скамью и спасает шар.

Как раз теперь подбегает запыхавшаяся Лена.

Федор слезает со скамейки, подает ей шар.

— Большое спасибо, — благодарит девушка и, узнав Федора, с некоторым удивлением осведомляется: — Вы?

— Я, — улыбается Федор.

— А что вы здесь делаете? — спрашивает Лена.

— Да вот... э-э-э, шарик с дерева снял... — весело отвечает Федор. — И пытаюсь прийти в себя от цирковых приключений.

Играя шариком, девушка насмешливо улыбается.

— Подумать только, тигр мог съесть такую девушку... — галантно добавляет Федор. — А вы что? Гуляете?

— Похоже на то, — саркастически подтверждает она.

— Присаживайтесь, — любезно приглашает он.

— Нет, спасибо, не хочется...

— Что, решительно отказываетесь присесть?

— Решительно, — улыбается девушка.

— Тогда, простите, мне придется встать, — усмехается он и встает.

— Можно было бы и раньше догадаться, — замечает она, смеется, лукаво глядит на Федора и, видимо, вспоминая происшествие в цирке, дерзко спрашивает: — Признайтесь, а вы здорово струсили там, у нас, в коридоре?

— Дрожал, как осиновый лист, — признается Федор.

Оба смеются.

— А я вот писколечко! — хвастает Лена. — Вы, между прочим, как очутились в цирке?

— Чудом, — улыбается Федор. — Вы знаете... меня пригласили работать в этом самом вашем цирке.

Лена поражена.

— А что вы умеете делать?

— Я — мотогонщик.

— Что вы говорите! — восхищена девушка. — Цирковой мотогонщик? — Она присаживается поближе к Федору.

— Да нет, — усмехается тот. — Это директор ваш думает, что я могу работать в цирке.

Теперь Лена явно заинтересована.

— Ну, а вы?

Довольно равнодушно он отвечает:

— Ну, а я сижу вот и, так сказать, думаю...

— Думаете?! — с искренним возмущением восклицает девушка. — Вас зовут в цирк, предлагают вам номер, а вы — думаете?

— А как же не думать? — удивлен Федор. — Вас как зовут, между прочим?

— Меня? — деловито осведомляется девушка. — Лена. А вас?

— Федор Николаич, — рекомендуется он.

— Знаете что? — неожиданно предлагает она. — Едемте!

— Куда?

— В цирк.

— Зачем?

— Я вам его покажу, — категорически говорит девушка и нетерпеливо тянет Федора за рукав.

Федор, смеясь, упирается.

— Спасибо, я уже посмотрелся... вдоволь.

Но девушка упрямо тащит его.

— Ничего вы не видели! Я вам покажу настоящий цирк! Едемте! Здесь всего две автобусные остановки.

— Да погодите вы... как вас... Лена! У меня тут мотоцикл в кустах. Может быть, на мотоцикле поедем?

— Очень хорошо, — быстро соглашается она. — Поедемте!

Они находят мотоцикл, который стоит в кустах.

— Прошу вас, садитесь!

Она садится на второе седло. Федор заводит мотор и, обернувшись к девушке, спрашивает:

— Не бойтесь?

— Я? — пожимает плечами девушка. — Нисколько!

Мотоцикл трогается... ускоряет бег...

Вечернее шоссе. Мелькают фары встречных машин. Ветер опять вырывает у девушки ее шар, она успевает только вскрикнуть.

Федор оборачивается к ней:

— Что, страшно?

— Нет, шарик улетел! Да быстрее же! Что вы так тащитесь?!

Волосы ее развеваются от ветра, и Федор, которому явно нравится эта смелая девушка, кричит ей, стараясь перекричать шум вечерней улицы.

— Подумать только... Тигр мог съесть такую девушку!

— Что? — не слышит Лена.

— Тигр, говорю, мог съесть такую девушку! — орет Федор.

Цирк. Музыка. Воздушный номер. Под куполом, в полусфере цирка, в лучах прожекторов фантастически перемещаются тени летящих артистов.

Тесно прижавшись друг к другу, в проходе стоят Лена и Федор. Они внимательно смотрят на воздушных акробатов.

Девушка шепчет на ухо Федору:

— А ведь и у вас хороший номер мог бы получиться. И ассистентка в платье с блестками...

— Ассистентка? — удивлен Федор.

Лена указывает на акробата, летящего под куполом.

— Вот как у него, — поясняет она. — Помощница, ассистентка.

Кивнув, Федор рассматривает партнершу воздушного акробата — девушку в трико с блестками.

— Хорошо работают... — с восхищением шепчет Лена. — Счастливые...

Бравурный оркестровый финал, звучат фанфары, дробь барабана, и воздушные акробаты как бы падают вниз на манеж, в последний миг удержанные резиновыми растяжками у самого ковра.

Взрыв аплодисментов.

Вместе с другими аплодируют Федор и Лена.

— Пойдемте, пойдемте! — шепчет девушка.

Вступает музыка нового номера.

Кулисы цирка. Конюшня. Холеные цирковые лошади стоят в своих загородках.

— Проходите, пожалуйста, — гостеприимно приглашает Лена, входя вместе с Федором. — Это наша конюшня. Здравствуй, Ласточка, здравствуй! — обращается она к лошади.

Та приветливо кивает головой, украшенной плюмажем.

— Это она и с вами здороваётся, — любезно говорит девушка.

Федор улыбается.

С манежа доносится нежная музыка.

— Да, любопытно! — говорит Федор, с интересом осматриваясь.

— Ну еще бы! Ведь это цирк! — оживленно подхватывает Лена.

Они минуют конюшню и появляются в главном проходе, ведущем на манеж. Сейчас он заполнен артистами, униформистами, механическими лестницами,

огромными шарами из папье-маше, животными, ждущими выхода, и всякой удивительной бутафорией.

У телефона стоит иллюзионист во фраке и огромном белом тюрбане. Дымя папиросой, иллюзионист говорит по телефону:

— Трюк с вазой в воздухе можно сделать при помощи тока высокой частоты. В общем, ты заходи, мы поговорим!..

— Товарищ, вы же знаете, здесь курить нельзя, — подходит к нему пожарный.

— А разве я курю? — «удивлен» иллюзионист. Папироса исчезает в его руке. Тут же бросается он к артисту, вошедшему за кулисы. — Сережа! Откуда?

— Из Казахстана.

— Яблоки привез?

Закулисная жизнь цирка — пестрая, ни на что не похожая, кипит вокруг Федора.

Пробегает коверный.

— А, Леночка! Привет! — кричит он, заметив Лену, и бежит дальше. — Манюлька, не опаздывай на выход!

Манюлька спешит на выход. Это — собачка, за ней бегут на манеж восемь щенят.

Федор не успевает оглядываться — так все ново, любопытно, забавно.

Розовая балерина кордебалета беседует с рыжим клоуном, который готовит свой реквизит:

— Константин Григорьевич, подпишите, пожалуйста, протокол прошлого заседания месткома.

— С удовольствием! — говорит рыжий и, добыв вечное перо из-под выходного костюма, подписывает протокол.

— А как моя путевка в дом отдыха? — спрашивает балерина.

— Ждет вас, — успокаивает рыжий.

К ним подбегает инспектор манежа.

— Костя, на выход!

Музыка уже играет веселый галоп, и член месткома, только что подписавший протокол совещания, с криком: «Добрый вечер! Добрый вечер!» — вылетает на манеж, перекувырнувшись в воздухе.

Проводив его взглядом, Федор вместе с Леной подходит к клетке с тигром.

— А вот это ваш старый знакомый, Пурш! — лукаво представляет девушка тигра.

— А-а, это тот самый... Негодяй! — улыбается Федор.

Она испуганно хватается за рукав, шепчет:

— Тише, тише, что вы? Он же все понимает.

— Ну да?

— Конечно! — заверяет девушка.

Федор кланяется тигру, «извиняется»:

— Ну, прости, пожалуйста. Прости!

Девушка заглядывает в лицо Федору:

— Нравится вам у нас?

Собираясь ответить, он присаживается у самых прутьев клетки, но Лена хватается за рукав, испуганно оттаскивает.

— Да что вы меня все время пугаете? — немного рассержен Федор. Помолчав, он добавляет: — Знаете, интересно! Очень интересно!

— А люди у нас какие! — живо подхватывает Лена. — Ну просто как одна семья. Я ведь здесь все

готова делать: и с граблями ходить, и клетки чистить, и лошадей мыть. А вам предлагают номер.

Федор молчит, думает.

Она берет его за пуговицу пиджака, заглядывает в глаза.

— Соглашайтесь, пожалуйста... А я у вас буду ассистенткой. Можно?

— В платье с блестками? — усмехнувшись, спрашивает Федор и чуть насмешливо глядит на Лену.

— О-о! Вы меня совсем не поняли, — с упреком говорит она. — Цирк — это для меня не увлечение! Это очень серьезно. На всю жизнь!

— Это хорошо, — одобряет Федор.

Тогда она снова берет его за пуговицу, и голос ее становится умоляющим:

— Соглашайтесь...

— Ну, пойдемте еще походим... — уклончиво говорит он.

Она подхватывает его под руку.

— Идемте!

Теперь музыка громче. Балерины кордебалета цветной веселой гурьбой быстро сбегают вниз по лестнице. Среди них Олечка.

— Здравствуйте, Федор Николаич! — весело щебечет она, пробегая на выход.

Федор приветливо кивает.

— Откуда вы ее знаете? — быстро спрашивает Лена.

— А это моя соседка по квартире.

Она хочет что-то сказать ему, но вдруг видит свою мать Эмми Степановну.

— Мамачка! Познакомься, мамочка.

— А мы, кажется, уже знакомы, — кланяется Ермолаев.

Эмми Степановна оглядывает Федора и, узнав его, снова делает цирковой «комплимент».

Комната Ермолаева. Федор стоит у зеркала и пристально себя разглядывает.

— Артист цирка, Федор Ермолаев — усмехается он. — Бред...

И он принимается латать мотоциклетную камеру.

Стук в дверь.

— Да, да! — буркает Федор.

Входит Ферапонт Ильич. Вид его ужасен: голова обвязана полотенцем, на темени пузырь со льдом. Он вздыхает.

— А-а, Ферапонт Ильич, здравствуйте. Садитесь, пожалуйста, — приглашает Федор бухгалтера. — Ну, как вы себя чувствуете?

— А-а, не спрашивайте, — мрачно опускается в кресло Ферапонт Ильич и саркастически начинает: — Змеи, слоны, ученые куры... Нет, вы подумайте, у людей ведь служба, как служба... Ну, возьмем, к примеру, трест «Главрыба». Так там же все на месте... Там бухгалтер сидит в бухгалтерии, а треска — в этой самой... консервной банке. Порядок!

Федор смеется.

— Дайте-ка папиросу, — вздохнув, просит Ферапонт Ильич.

— Вы же не курите, — посмеивается Федор. — У вас сердце и все такое прочее.

— А, все равно, — бормочет бухгалтер.

Федор протягивает ему коробку с папиросами, Ферапонт Ильич закуривает.

— Не дай бог, батенька, работать в цирке, — говорит он, глубоко затягиваясь. — Ужасное место. Поверьте мне. Ужасное место.

Федор ходит по комнате, затем присаживается к гостю поближе.

— А вот, кстати, Ферапонт Ильич, ваш директор предлагает мне работать в этом ужасном месте.

— Что вы говорите?! — спрашивает бухгалтер, оторопев от этой новости. — То есть как?

— «Мотоцикл под куполом цирка», — поясняет Федор.

— Ну, а вы?

— А вот я... не знаю... — неопределенно говорит Федор.

И вдруг с Ферапонтом Ильичом происходит удивительная метаморфоза.

— О чем тут думать, батенька? Да вы знаете, что такое цирк? Это — сила...

— Но вы только что говорили, — пытается вставить слово Федор.

Но бухгалтер не слушает его.

— ...смелость, красота, — с жаром продолжает он. — Ученые куры, Федор Николаич! Или, скажем, петух-математик. Знает, подлец, таблицу умножения! А слоны? Боже ты мой! Играют на барабанах, танцуют эту... как ее... польку, ну...

— Бабочку? — подсказывает Федор.

— Именно, бабочку, — подхватывает Ферапонт Ильич. — Благородное, умнейшее животное... Гм-м... —

схватывается он, поправляя свой пузырь со льдом. — Словом, умнейшее животное... В общем, поздравляю!

— Да нет же, нет... — пытается возразить Федор, избегая протянутой ему руки.

Но Ферапонт Ильич опять не слушает его.

— А люди какие! — с чувством говорит он. — Коллектив...

— Страшновато, Ферапонт Ильич, — задумчиво отвечает Федор. — Цирк — это труд, это прежде всего большой труд, как мне кажется...

— Мастерство! — подтверждает Ферапонт Ильич.

— Вот именно, мастерство.

Ферапонт Ильич глядит на Федора поверх стекол пенсне и вдруг возглашает:

— Ермолаев!.. Артист цирка!!! — И, заглядывая ему в лицо, хитро сверкнув бусинками глаз, спрашивает: — Звучит?!

— Да-а-а, — вынужден согласиться Федор.

Манеж. Горит дежурный свет. Сейчас цирк не так красочен, как во время вечернего представления. Полутемные места для зрителей. На манеже репетирует группа кудрявых дрессированных собачек.

— Алле!

Собачки ходят на задних лапках, прыгают через обручи.

Одновременно репетирует жонглер.

У форганга — партерные акробаты.

Пробегая по манежу, Лена вдруг замечает Мокина, который нерешительно мнется возле цирковых кулис.

— Петя?! — обрадована Лена. — Где ты пропа-

даешь? Не заходишь, не звонишь. Ну как же тебе не стыдно?

— Чинились... — поясняет Мокин, поглядывая на девушку влюбленными глазами и весьма довольный такой встречей.

— Чинились? — живо и весело переспрашивает Леночка. — Ну, смотри, пожалуйста, Петя не пропадай. Ладно? И подожди меня, я сейчас приду.

Тряхнув кудряшками, она убегает.

Мокин с грустью глядит вслед. Вот так встречал А он-то надеялся...

— Петро! — кричит Федор, спускаясь из-под купола по канату. — Здорово, Петя!

— Здравствуй... — не проявляя особой радости, отвечает Мокин.

Федор пожимает ему руку, посмеивается:

— Ну как? Тренируешь свой прыжок через Ниагару?

— Да где там, некогда, — хмуро отвечает Мокин, поглядывая по сторонам и ожидая, не появится ли Леночка. — А вы, вижу, спорт бросили?

— Да ты что! — возражает Федор. — Спорта я никогда не брошу. А вообще-то... — указывает он во круг, — есть в жизни перемены... Циркачом стал.

— Да уж вижу, — мрачно замечает Мокин и неожиданно выпаливает: — А Еленка-то Воронцова, ну... ассистентка ваша, и есть та девушка, о которой я вам толковал.

— Что? — изумлен Федор.

Подкравшись к Мокину со спины, Эмми Степановна со свойственной ей экстравагантностью закрывает ему глаза.

Мокин пытается угадать.

— Да ладно... знаю... Аленка?

Эмми Степановна хохочет и целует его.

— Пстенька, здравствуй, миленький!

— Здравствуйте,— вежливо и с достоинством отвечает

Мокин.

Эмми Степановна обращается к Ермолаеву:

— Ну как, Федор Николаевич, привыкаете?

— Стараюсь... — говорит тот.

Одобрительно кивнув, Эмми Степановна скрывается в боковом проходе.

Мокин вздыхает.

— Вот совсем было отговорил ее с мамой от цирка, так нет — вы тут подвернулись со своим мотоциклом.

— Что значит, подвернулся? — хмурится Федор. — Ты, знаешь, тоже слова выбирай.

— Что уж — слова выбирать. Просто считаю, что под мотоцикл она угодила... — сварливо говорит Мокин. — Еще бы! Артисткой стала... Безобразие! Уедет теперь... Да и вообще...

— Подожди, подожди, — нетерпеливо перебивает его Федор. — Что-то я ничего не пойму. Ты давай подробно рассказывай. Садись!

Ксюшня. Лена у клетки с тигром. Она кормит его, накалывая куски сырого мяса на острую палочку.

— Осторожно, осторожно, дурачок! Прими лапу. Ты что? — хлопает его по лапе. — Ах ты! Перестань! — Тигр добродушно ворчит. — Ты почему, лентяй, через обрuch вчера не прыгал, а? На! Больше нету, хватит.

Продолжая разговор, Мокин и Ермолаев сидят на барьере манежа.

— Так-так, — в раздумье говорит Ермолаев. — С детства, говоришь, это у вас... Ну что ж? Бывает...

— Бывает, — тихо, но твердо подтверждает Мокин.

— И отец и мать, говоришь, согласны?

Мокин важно кивает.

— Но а она-то что, Лена? Сама?

— Ну, известно, что... — чуть смущен Мокин. — Мучает. Но имей в виду, Федор Николаевич, я своего добьюсь! У меня любовь — дна не достанешь!

Федор задумывается. Лицо его печально сейчас, и перемену настроения Мокин тотчас замечает:

— Что это вы, Федор Николаевич, были веселый и вдруг... — подозрительно спрашивает он.

— Что? — вздрогнув, переспрашивает Федор.

Мокин глядит на него, решительно застегивается на все пуговицы и нахлобучивает форменную фуражку:

— А я, между прочим, того, Федор Николаевич. Я... ревнив!

— Ну и ревнуй, пожалуйста, — буркает Федор, отворачиваясь.

— Вас тоже? — официально спрашивает Мокин.

— Как хочешь... — сердится Федор.

— До свидания, товарищ Ермолаев, — сухо прощается Мокин, поставив, по его мнению, точки над всеми «и».

— До свидания.

Повернувшись по-военному, Мокин направляется к выходу.

— Эй! — кричит Федор вслед. — Между прочим, ты надолго в плавание?

Мокин останавливается.

— Мы... то есть, я... Имею честь кланяться, — сердито козыряет он и входит в конюшню, где Лена по-прежнему сидит у клетки с тигром. С Пуршем происходит что-то неладное. Он мечется по клетке, рычит.

— Что с тобой? Чего ты нервничаешь? — ласково допытывается девушка, но тут же причина становится ей ясна: в конюшне появляется Казимир Алмазов.

— Встать! — орет он во все горло, адресуясь к девушке. — Это что?! Опять около тигра посторонние? Что тебе было сказано, а?! — продолжает кричать он, поигрывая стеклом.

Мокин хмурится.

— Но-но-но, — говорит он, подойдя к дрессировщику, — вы не очень-то шумите.

Алмазов оглядывает его сверху донизу.

— Кто таков?

Несколько растерявшись, Мокин, однако, представляется:

— Я... я... Мокин.

— Не знаю, не слышал, — теряется в свою очередь Алмазов и обращается к Лене. — Тебе что было сказано? Сколько раз я тебе говорил — к тигру не подходи! Высочка несчастная! (*Уборщице.*) А ты чего смотришь? Раззява!

— Казимир Иваныч, — в страхе бормочет уборщица.

— «Казимир Иваныч», — передразнивает ее Алмазов, но, видимо, присутствие Мокина сдерживает его, и, нашумев, он уходит.

Мокин кричит вслед:

— Тоже мне, раскричался. И ты тоже, Лена, хо-

роша, — строго выговаривает он. — Ну чего ты крутишься возле зверей? Откусит руку — и все.

— Начинается! — огрызается Лена. — Ну, пойдите маме доложи.

— И доложу, — сердится Мокин.

— Ну вот и доложи.

Мокин смягчается:

— Алена...

Не обращая на него внимания, Лена успокаивает Пурша:

— Ну что, дурачок! Ну что с тобой сегодня, ну что, маленький?

Пурш рычит.

Но Петру не до него. Подойдя к девушке, он спрашивает, стараясь говорить как можно небрежней.

— Лена... Федор Николаич... он... что... нравится тебе?..

Наивная мстительность девчонки тотчас просыпается в ней:

— Федор Николаич? — ликует она. — Конечно! По крайней мере он не уговаривает меня уйти из цирка.

Мокин мрачнеет, а Лена подливает масла в огонь: — А вот я еще ассистенткой буду в его номере. Уедем еще.

— Ну и пожалуйста, — смертельно обижен Мокин. — Я сам сегодня того...

— Чего? — от души потешается она.

— За керосином идем! — раздражается Мокин. — Вообще дело делаем, а не то, что вы... «Алле! Пурш! Пуринька! Сю-сю», — сердито передразнивает он. — Как дал бы ему! — награждает он тигра угрюмым взглядом.

— Ах, вот как!..— возмущена Лена.— Вот у тебя какие понятия. Отсталый ты все-таки, Петька, человек.

Слышен голос с манежа:

— Лена! На репетицию!

— Прощай, — сухо говорит девушка и убегает.

Тигр оглушительно рычит на задумавшегося Мокина. Вздрогнув, тот отшатывается.

— Пропади ты пропадом, людоед!

Закат. Небольшой буксир тянет речной караван. Разливистый голос баяна слышен на обоих зеленых берегах.

Облокотившись о фальбург, Мокин грустно напевает:

Вьется за кормою чайка, кружит пена,
Что ж со мною делаешь ты, Лена, Лена...
Я писал тебе приветы — это ясно.
На приветы ждал ответы — и напрасно...
Где моя любовь — она мне сердце гложет.
Видно, почта в этом деле не поможет...
Ты ни разу в сновиденье не явилась,
За какое преступленье впал в немилость?

Несколько матросов буксира подхватывают последний куплет:

Ты ни разу в сновиденье не явилась,
За какое преступленье впал в немилость?

Матрос-баянист сочувственно подмигивает гитаристу. Мокин подсаживается к ним. Течет сердечная песня:

Между нами быстро катит волны Волга.
Встречи ждать с тобою, кстати, очень долго...
Я приду к тебе домой после рейса,
Не играй в любовь со мной и не смейся...¹

Протяжно гудит буксир на широком повороте реки.

Манеж цирка. Лена и Федор. В раковине репетирует оркестр.

— Федор Николаич, — деловито говорит девушка, — покажите-ка «комплимент».

Он молчит, явно недовольный этим требованием. Она настаивает:

— Покажите!

— Ну, пожалуйста, — неохотно соглашается Федор и выполняет «комплимент», которому позавидовал бы только медведь.

Девушка смеется.

— Федор Николаич, это совершенно не то! Папа! — окликает она отца, занятого на манеже, — покажи Федору Николаевичу «комплимент»!

Подходит Василий Васильевич в костюме униформиста. Его «комплимент» не лишен старомодного изящества.

— Вот видите, — довольна Лена. — Ну, ну, попробуйте.

— Просим! — ободряет Василий Васильевич.

Федор пытается повторить, но смех девушки прерывает его на половине.

— Нет-нет, Федор Николаич, это не то.

¹ Стихи М. Дудина.

— Лена! — начинает сердиться Федор. — У меня это никогда не получится!

— То есть, как не получится? — строго говорит она. — Нужно, чтобы получилось!

Картинно убранная лошадь репетирует на манеже польку. Федор указывает на нее:

— Я дрессировке не поддаюсь. И... и у нас с вами номер не клеится, а мы должны почему-то «комплиментами» заниматься, — с досадой добавляет он. — Готовьте трек и будем лучше репетировать!

— Хорошо, — соглашается она, но, убегая, кричит ему: — А «комплимент» все-таки нужен!

Освобождая манеж для Ермолаева, наездница уводит лошадь на конюшню. Эмми Степановна, наблюдавшая за репетицией, говорит:

— Вот видишь, насколько легче работать с двумя щенкеями. Уж я-то знаю.

Федор вкатывает на манеж мотоцикл: теперь его время.

— Лена! Вот вам от Мокина, — сухо говорит он подошедшей девушке и передает ей письмо.

— Ой, от Пети? Спасибо! — расцветает Лена.

— Вот еще письмо, открытка и телеграмма... пожалуйста... во всех карманах... Штемпеля, конверты, обратные адреса, хожу, как почтовый ящик, — сердито говорит Федор.

— Да, пишет Петенька, не забывает... — посмеивается Лена.

— Скучает, хотите вы сказать? — угрюмо спрашивает Федор.

— Скучает... — лукаво подтверждает девушка. — А вас это удивляет?

— Нисколько, — отворачивается Федор. — На вашем месте я бы всю эту почту издал отдельной книгой на манер лирического романа в письмах.

— А как же быть с телефонными разговорами? — весело спрашивает она. — Ведь он же и звонит мне со всех стоянок...

— А вы приложите эти самые, как их... квитанции, чеки, — вскипает он. — Впрочем, меня это совершенно не касается!

— У-у-у, злюка! — укоризненно говорит она.

К ним подбегает мальчик.

— Дядя Ермолаев!

— Чего тебе?

— Здравствуй, — важно говорит мальчишка и пожимает руку Федору.

— Здравствуй, — смеется тот.

Очень довольный мальчишка убегает.

— Федор Николаич, можно мне задать вам вопрос? — поднимает глаза Лена. — Скажите... — она в затруднении умолкает.

Он глядит на нее, улыбнувшись, отвечает:

— Ну, конечно, Лена, очень люблю детей.

— А почему же вы тогда не женаты? — просто душно спрашивает она.

Этот вопрос явно застает Федора врасплох.

— Ну... как же почему? Война все-таки была. А вот теперь, как говорят, «никто замуж не берет».

— Странно... — тихо говорит девушка.

Насвистывая, Федор начинает возиться с мотоциклом. Она помогает ему, напевая ту же мелодию:

— Сегодня девчонке не спится,
И ей не заснуть до зари...

К ним подходит директор цирка.

— Товарищи, это еще что за спевка? Вы что, в номере на мотоцикле еще и петь будете?

— Да нет, Никита Антоныч, — улыбается Федор.

— Ну, вот что, — строго говорит директор. — Давайте-ка репетировать. Скоро дебют.

Буксир на причале. Еле удерживая два огромных арбуза, Мокин спускается по трапу.

— Петр Сергеич, разрешите уволиться на берег? — спрашивает матрос, подходя.

Тихий и застенчивый, Петя Мокин вдруг превращается в грозного командира.

— А кто сегодня на вахте спал? — распекает он матроса. — Позор, Козлов. В каком виде у тебя палуба? Привык, понимаешь, чтобы за ним ребята ухаживали. Подумаешь, принц Анжуйский нашелся, а еще матрос называется!

Матрос исчезает.

— Эй, Ромео! — доносится голос знакомого нам буксирного баяниста. Он появляется около Мокина с авоськой. — Ты арбузы-то не растеряй. Ты их, Петенька, лучше в авоську. Побьешь.

Он подставляет авоську, и Мокин аккуратно опускает туда арбузы.

С капитанского мостика склоняется капитан:

— Дамам букеты полагается дарить.

Баянист привязывает авоську с арбузами к багажнику мотоцикла, стоящего на берегу.

— Торопись, торопись, Петя!

— А что? — спрашивает Мокин.

— А ничего особенного, — подмигивает баянист. — Пока ты плавал, может быть, она замуж вышла.

— Ну-ну, — сердится Мокин.

— Товарищ помощник! — подходит к Мокину гитарист. — Экипаж буксира «Семен Челюскин» просит передать сердечный привет артистке цирка Леночке Воронцовой.

— Есть передать привет Леночке Воронцовой, — хмурится Мокин, усаживаясь на мотоцикл.

Ярко освещенный цирк полон. Инспектор в безукоризненном фраке выходит на середину манежа и громко объявляет:

— Новый аттракцион — мотоцикл в воздухе!
Артисты: Елена Воронцова и Федор Ермолаев!

Торжественная музыка выхода. Фанфары.

Появляется группа мотоциклистов с разноцветными флагами спортивных обществ. Цветные лучи прожекторов перекрещиваются на флагах.

Кулисы. Федор и Лена готовятся к выходу. Оба в цирковых костюмах, оба взволнованы.

Места для зрителей. Опоздавший Мокин — он по-прежнему с двумя арбузами — пробирается между рядами, спотыкается, извиняется и наконец усаживается. Во-время!

На манеж выезжает на мотоцикле Федор. Лена стоит на багажнике этой машины.

Из бокового прохода глядит на дочь Эмми Степановна.

Из ложи — семья бухгалтера: Мария Михайловна, Ферапонт Ильич и Олечка.

— Интересно, сколько он получает за выход? — осведомляется Мария Михайловна у мужа.

Ферапонт Ильич отвечает ей скорбным вздохом.

Лена подходит к микрофону, установленному на манеже.

Именно теперь Мокин начинает неистово аплодировать, привлекая всеобщее (в том числе и Лены) внимание.

Узнав Мокина, девушка делает «страшное лицо» в надежде, что он умолкнет.

Мокин действительно умолкает, но при помощи сложной пантомимы пытается объяснить, что вернулся из рейса.

Лена сердито отворачивается.

— Исполняется рекордный трюк, — громко объявляет инспектор, — прыжок на мотоцикле под куполом цирка!

Музыка. Рев мотора. Федор Ермолаев появляется на ажурном мостике под куполом цирка. Проезжает его и скрывается.

Панорама по лицам зрителей. Аплодисменты.

В наступившей тишине Лена командует в микрофон:

— Мост!

Барабаны.

Образуя многометровый черный пролет, мост под куполом раздвигается. Вспыхивают лампы.

— Внимание на старте! — тихо говорит Лена в микрофон.

Старт. Чтобы разгон был большим, он вынесен за пределы цирка. Толпа окружает артиста, особенно

много мальчишек. Асфальтовая стартовая дорожка переходит в крутой подъем, где горят красные огни.

К Ермолаеву подходит инспектор.

— Вы готовы?

Ермолаев кивает.

Красные огни сменяются зелеными.

Вступает музыка.

Мотоцикл срывается со старта, набирает скорость, берет подъем и...

Мокин в страхе закрывает глаза.

Директор и Ферапонт Ильич впадают в восторг, глядя на летящий мотоцикл.

А он действительно летит... Оторвавшись от марша моста, Федор прыгает через разрыв и «приземляется» на другой стороне.

Загорается свет. Музыка. Гром аплодисментов.

— Трудиться нужно, милые мои, — назидательно говорит Ферапонт Ильич жене и дочери. — Да-с! Артист!

Ермолаев и Лена раскланиваются и, держась за руки, скрываются за пестрым занавесом.

— Спасибо вам, Федор Николаевич, — взволнованно благодарит сияющая девушка.

— За что? — удивлен Федор.

— А вот за все это, — шепчет она.

— Прошу вас, — приглашает инспектор, откидывая перед ними занавес.

Они снова выбегают на манеж и снова раскланиваются.

— Вот за все это! — продолжает Лена и с детской непосредственностью жмет руку Федору.

— Нет, это вам спасибо, — живо возражает тот, от-

вода девушку в сторону и не выпуская ее рук.— Вы знаете, я очень рад всему! И тому, что встретил вас, и что тигр вырвался тогда из клетки, и что вы сейчас со мной, что мы уедем...

Он с нежностью смотрит на нее, а она, взволнованная этим неожиданным полупризнанием, молчит. И вдруг с очаровательным лукавством спрашивает его:

— А как же Петя? А, может быть, он меня и не отпустит с вами?

— Алена! — кричит Мокин, подбегая к ним с арбузами в охапке.

— Петя! С приходом! — радостно говорит Лена, насмешливо косясь на Федора.— Петечка, здравствуй! Мокин деловито вручает ей арбузы:

— Вот. Астраханские. Тебе!

— Ой, какие тяжелые! — хохочет она, насилу удерживая подарок.

Тогда Мокин подхватывает арбузы и сует их Федору:

— Федор Николаич, подержите.

— Давай, давай! — вздыхает Федор.

Мокин одергивает мундир, поправляет фуражку и торжественно пожимает руку Леночки.

— Поздравляю!.. Здорово. Ох, здорово.

— Ты когда приехал, Петенька? — спрашивает она.

— Только что, — отвечает Петр, с восхищением оглядывая ее цирковой костюм.— И, как говорится, с корабля на бал. Ох, и красивая ты в этом платье!

— Правда? — кокетничает она и вдруг становится озабоченной.— Ну, Петечка, до свиданья. Увидимся еще. Я пойду к Пуршу. Он лапу занозил, ты понимаешь?

— Лапу?.. — обескуражен Петя.— А арбузы?

— Потом, потом, — отмахивается Лена и убегает.

— Да возьми ты свои арбузы! Что же я, кран, что ли? — сердито говорит Федор.

Мокин прислушивается к отдаленному рычанию тигров, потом горестно вздыхает:

— Паршивый тигр... хищник дороже ей хорошего человека!

Яркая стенная газета. Под надписью «Молния» огромная шапка: «Алмазов — распоясался». Пониже — карикатура: пьяный Алмазов палит из двух пистолетов в тигров, павших ниц.

Доносятся смех, восклицания.

— Здорово! Верно! Ай да Алмазов! Давно пора было. Молодец Федор Николаич!

Перед газетой толпятся сотрудники и служащие цирка.

Редактор стенгазеты — молодой паренек Мышкин — с гордостью взирает на свое детище.

Растолкав читающих, к газете подходит Казимир Алмазов. Увидя карикатуру, он багровеет, огромная его ручища протягивается к газете, срывает ее, и теперь мы видим, что Алмазов ведет на поводке тигра.

Придя в себя уже за углом коридора, Мышкин кричит оттуда:

— Я предупреждаю вас как редактор стенгазеты! Доносятся голоса:

— Это возмутительно! Безобразие!

— Вы за это ответите, — орет Мышкин, прячась за другой угол.

Не обращая внимания на угрозы сотрудников, Алмазов грузно идет по коридору. В одной его руке — поводок, в другой — сорванная стенгазета.

Кабинет директора. Никита Антонович за столом, около него Ферапонт Ильич.

— Вот! — с гордостью говорит Ферапонт Ильич, раскрывая перед директором папку с отчетом для подписи. — Все-таки наш годовой отчет готов! И опять раньше срока.

— Ну, а слону на подпись носили? — совершенно серьезно осведомляется Никита Антонович.

— Да, я понимаю, вам смешно, — обижен Ферапонт Ильич, — а я был лишен премии.

— Это безобразие, — посмеивается Никита Антонович. — А кто же распорядился?

— Я не знаю, — говорит Ферапонт Ильич уклончиво. — Подпись была неразборчива, но утверждают, что... вы.

— Я?! — «возмущен» Никита Антонович. — Клевета! Интриги.

— Я так и подумал, что интриги, — кисло соглашается Ферапонт Ильич.

Директор подписывает отчет и передает его бухгалтеру.

— Ну вот, пожалуйста. Через слоновник носить не советую.

— Вы знаете, как я сейчас слоновник обхожу, — поспешно отвечает бухгалтер, принимая отчет. И вдруг пенсне его вздрагивает на носу. — А-а-а. О-о-о... У-у...

— Ферапонт Ильич, вы что? — удивлен директор. В дверях показывается голова входящего тигра.

Ферапонт Ильич застывает.

Алмазов указывает тигру на диван, а сам идет к столу, где и раскладывает сорванную газету.

— Это кто? Я? — тычет он пальцем в карикатуру.

Никита Антонович бросает беглый взгляд на тигра и... прячется в шкаф, не забыв, однако, ответить:

— Ты!

Тем временем Ферапонт Ильич, зажав подмышкой отчет, пытается на цыпочках проскользнуть мимо тигра в открытую дверь. Это ему удается, но в коридоре он падает без чувств на руки подоспевшего Мышкина, который поспешно захлопывает дверь.

Оценив ситуацию, директор не покидает шкафа, хотя Алмазов орет на весь кабинет:

— Безобразие!

— Вот именно безобразие! — орет и Никита Антонович, выглядывая из шкафа.

— Хулиганство! — вопит Алмазов и швыряет стенгазету на пол.

— Вот именно хулиганство! — вторит директор, косясь из своего укрытия на тигра.

— Вы понимаете, что после этого я не могу с вами работать? — вопрошает Алмазов, указывая на стенгазету.

— Это я не могу работать с вами! — бушует Никита Антонович, приоткрыв дверцу шкафа.

— Не кричите на меня, пожалуйста, — гремит Алмазов. — У меня и так расшатали центральную нервную систему. Главное, кто посмел? Какой-то выскочка... без году неделя в цирке! Какой-то велосипедист.

— Кто велосипедист?! Кто выскочка?! — негодует Никита Антонович. Он даже выходит из шкафа, но, услышав негромкое рычание тигра, тотчас возвращается обратно.

Алмазов подступает к шкафу и говорит ультимативно:

— Одним словом, так: если вы не прикажете снять этот поклеп, этот тур-де-бра за ковром и подножку мастеру манежа, я сегодня вечером не войду в клетку и сорву представление.

— Что?! — восклицает пораженный Никита Антонович и снова выскакивает из своего убежища.

— Да-да! — орет Алмазов. — Меня ждут в Сочи, в Батуми, в Сухуми!

Разъяренный директор наступает на него.

— Вон отсюда! Вон!

Алмазов застывает от неожиданности.

— Вон! — гаркает директор и на тигра.

Поджав хвост, зверь нехотя слезает с дивана.

Как раз теперь в кабинет быстро входит Телегин.

— Вон! — вопит директор. — То есть уберите его немедленно! — указывает он на тигра.

Телегин уводит тигра, а Никита Антонович, придя в себя, рушится в кресло и злоеще говорит Алмазову:

— Имейте в виду, что вы не только сегодня, но и вообще... вряд ли выйдете когда-нибудь на манеж!

— Посмотрим! — усмехается Алмазов и, щелкнув стеклом по кожаным крагам, победоносно покидает кабинет.

Рабочие снимают красочные плакаты с изображением тигров Казимира Алмазова.

Манеж, освещенный тусклым светом. Общее собрание коллектива цирка после представления. Некоторые его участники еще не успели переодеться и разгримироваться. Костюмы кордебалета причудливо смешались с мундирами униформы, фраками и национальными костюмами.

На манеже стоит стол, покрытый красным сукном.

— Так вот, товарищи, — продолжает директор, — по приказу Главного управления цирков за неоднократное нарушение трудовой дисциплины, за появление на манеже в нетрезвом виде Казимир Алмазов, он же Кузьма Пыжов, уволен.

Голоса:

— Правильно! Давно пора!

— Тише, товарищи! — поднимает директор руку. — Тигры оставлены у нас, и нашему коллективу нужно серьезно подумать о выдвижении подходящей кандидатуры на место Пыжова. Слово для информации предоставляется главному бухгалтеру. Пожалуйста, Ферапонт Ильич.

Шумно. Лена громко переговаривается с подругами. Федор сидит неподалеку.

На манеж выходит Ферапонт Ильич. В руках у него счеты, бумаги. Откашлявшись, он начинает:

— Товарищи! Я знаю, что вы устали после представления, и постараюсь вас не задержать. Я только хочу спросить у собрания: известно ли вам, во сколько обходится государству простой четырех тигров? — Он строго глядит на всех поверх стекол пенсне, затем просматривает свои бумаги. — Вот... минуточку... Что за картину мы имеем? Восемь кило... восемь килограммов мяса. Два яйца. Пол-литра... Чего пол-литра? — с

некоторым недоумением он заглядывает в бумаги, но тут же улыбается. — Нет-нет, пол-литра молока! Двадцать граммов рыбьего жира, витамины А, В, D, я уже не говорю о С. И это, заметьте, рацион одного тигра, — шелкает он на счетах. — А помножьте это на четыре! Прибавьте к этому обслуживающий персонал! Отмените сборы, — сбрасывает он костяшки на счетах, — которых, вы знаете, тигры сейчас не делают из-за простоя... и перед нами катастрофическая цифра убытков!!! И я вас должен предупредить, товарищи, что если во втором квартале кто-нибудь из нас... гм-м... я хочу сказать, из вас, — спохватывается он, — не войдет в клетку к тиграм, то звери сожрут весь лугодовой бюджет!

В наступившей тишине слышно грозное рычанье тигров. Сотрудники и артисты переглядываются.

Ферапонт Ильич важно усаживается на место.

— Ну-с, какие будут предложения? — спрашивает Никита Антонович, поднимаясь. — Кто хочет высказаться?

К общему удивлению поднимается Алмазов. Шагнул через барьер, он развязно начинает:

— Я, товарищи, разделяю опасения главбуха. Съедят! Они съедят этот самый... как его... бюджет. Вот именно! И, так сказать, в порядке самокритики... я, конечно, признаю выступление Ермолаева в стенгазете. Так сказать, молнию и приказ... и все такое... все это правильно. У меня вот только вопрос, — переходит он на зловещие интонации, — а кто в клетку войдет?

Голоса:

— Говори яснее! Ты чего добиваешься?

— То есть, как чего? — недоумевает Алмазов. — Предлагаю ходатайствовать и, так сказать, поддержать в главке мою кандидатуру. Я все-таки Алмазов! Не так легко Алмазова заменить.

Собрание гудит. С места встает возмущенный Ермолаев.

— Подождите, товарищи! Тише! — успокаивает он возбужденных коллег. — Послушайте, Алмазов, неужели вы, действительно, считаете, что вас некем заменить?

— Да! — режет Алмазов. — Я так считаю, товарищ Ермолаев.

— Не знаю, — пожимает Федор плечами. — Я, правда, в цирке человек новый...

— Вот именно! — веско вставляет Алмазов.

— И, возможно, многого не понимаю, — продолжает Федор, — но я не верю, чтобы в коллективе не нашлось подходящего человека. Товарищи, по-моему, надо просто смелее выдвигать молодежь! А вас, товарищ Алмазов, молодежь с кашей съест! — убежденно заканчивает он.

Хохот, аплодисменты.

— С кашей? — возмущен Алмазов. — Пусть попробует, товарищ Ермолаев! Поперхнитесь!

И он покидает собрание.

Никита Антонович звонит в колокольчик.

— Тише, товарищи! Тише!

Артистический буфет. Василий Васильевич и Телегин сидят у столика. Казимир Алмазов подходит к стойке, шелкает пальцами.

— Налей-ка там чего-нибудь! — Буфетчица наливает ему томатного сока, но, кипя от обид, он не замечает этого. — Ничего, ничего, еще в ножки поклонитесь!

Алмазов залпом выпивает стопку томатного сока.
— Гадость какая! Что это?

— Витамины! — улыбается буфетчица.

— Безобразие! — орет Алмазов. — Дай чего-нибудь закусить! — И, понюхав по привычке бутерброд, он продолжает, ни к кому не адресуясь: — Пусть, пусть кто-нибудь войдет в клетку. Я пожелаю моим котяткам приятного аппетита.

— Эх, товарищ Пыжов! — укоризненно говорит Василий Васильевич. — Да не будь вот Антона, — указывает он на Телегина, — не было бы и тебя. «Казимир», видите ли, «Алмазов»! А Пыжов ему не годится, и Кузьма не звучит. А вот Минин — герой отечества — не стеснялся, что он Кузьма.

— Брось ты, Василь Васильич, свою дешевую демагогию, — огрызается Алмазов. — Меня не запугаешь ни Мининим, ни Пожарским. Я все равно буду жаловаться в Москву. Алмазов — это имя! Афиша! Публика!! Касса!!!

И он уходит с видом ожившего памятника.

— Негодяй! — качает головой Телегин.

— Но сборы делал... — горестно заключает Василий Васильевич.

Манеж. Продолжая собрание, выступает иллюзионист. Он говорит с жаром и патетической жестикულიей:

— ...И надо без лишних слов мобилизоваться и засучить рукава! Здесь вопрос чести! И тут нечего тянуть, товарищи! Надо взять хлыст и со всей ответственностью войти в клетку!

— Вот ты и войди! — предлагает Эмми Степановна. — Мы тебе вполне доверяем.

— Кто, я? — растерянно переспрашивает иллюзионист. — Куда? В клетку?

Голоса:

— А куда же еще? Вполне, вполне доверяем!

— Да нет, большое, товарищи, спасибо за доверие, — растерянно благодарит иллюзионист. — Но я... Но у меня... номер...

— У всех номер! — кричат артисты.

Могучий рев тигров оглашает цирк. Тревожно прислушавшись, иллюзионист продолжает:

— Позвольте, товарищи... Я не могу собою riskовать... У меня дети...

— У всех дети! — хохочет собрание.

— Как хотите! — решительно заявляет иллюзионист. — Но вопрос не обо мне! — Он достает записную книжку, быстро перелистывает ее. — Вот у меня здесь намечено несколько вполне подходящих кандидатур... Вот, скажем, чем плох товарищ Мышкин?

Испуганное лицо Мышкина.

— Прекрасный общественник, — с жаром продолжает иллюзионист. — Редактор стенной газеты. Член местного комитета. Вполне подходящая кандидатура.

— Минуточку! — перебивает его Никита Антонович и звонит в колокольчик. — Товарищи... Вопрос очень серьезный. Работа трудная, и никто никого не собирается ни принуждать, ни заставлять. Все решит

личное желание артиста. Поэтому предлагаю принять мою информацию к сведению и серьезно об этом подумать. Объявляю собрание закрытым.

Сейчас же образуются группы, оживленно обсуждающие поставленный вопрос.

— А я считаю, что единственный выход — это вечера клоунады, — убежденно говорит Ферапонт Ильич директору. — Вот попомните мое слово.

— Да, зарплата, конечно, завидная, — рассуждает вслух униформист. — И опять же — афиша!

— Сегодня афиша, — отвечает ему другой униформист, — а завтра — скорая помощь!

Аппарат находит в толпе двух цирковых мальчугов, и мы слышим:

— Васька, рискнем?

— Я бы с удовольствием, — важно отвечает Васька, — да мать не позволит.

А у форганга стоит маленького роста коверный, которому басом шепчет женщина-атлет:

— Серж, по-моему, это шанс. Подавай заявление.

— И это жена?! — трагически вопрошает коверный. — Хорошо, я подам, а ты ступай закажи гроб...

— Зря, зря не поддержали кандидатуру товарища Мышкина, — толкует иллюзионист директору. — Прекрасный общественник, редактор стенной газеты, член месткома.

Конюшня. Лена треплет по шее Пурша.

— Ну, маленький, как ты себя чувствуешь? А лапка зажила уже? Ну как же, Пуринька, быть? Как же нам быть с тобой, Пурча? А может, решимся?

На конюшню входит Василий Васильевич. Тихо останавливается позади Лены.

— Ну, говори, решимся? — спрашивает Леночка у тигра. — Решимся, а? Ой, папка! — замечает она отца. — Папка, знаешь что...

— Кажется, знаю, — качает головой Василий Васильевич. — Ну, что мне тебе сказать, дочка? Вот в старинной сказке Иванушка-дурачок прыгает в кипящий котел... Это пострашнее, чем тигры, но зато оттуда он появляется прекрасным Иваном-царевичем. — И, помолчав, добавил: — Прыгай, дочка!

Лена быстро целует отца.

— Ну, папка, смотри! Поддерживай! — торопливо говорит она и убегает, а старик долго глядит ей вслед.

Коридор. Лена быстро идет к кабинету директора, но, дойдя, в нерешительности останавливается.

Кабинет директора. Никита Антонович собирается уходить. Он уже в пальто, надевает галоши:

— Да, войдите.

В кабинет входит Лена.

— Ну, что тебе?

— Никита Антоныч, — начинает девушка и от волнения умолкает.

Никита Антонович в недоумении глядит на нее.

— Ну, что?

— Я согласна... — выпаливает она.

— На что это ты согласна? — не понимает директор.

— Беру тигров.

— Кто? Ты? — переспрашивает Никита Антонович. — А ну тебя, — машет он рукой.

— То есть как это «ну тебя»? — вскипает Лена. — А собрание?

— Что собрание? Что собрание? — досадует Никита Антонович.

— Я — молодежь! — сердито говорит она.

— Ну и что? — невозмутим директор.

— Но ведь тигры ко мне привязались! — горячо убеждает Лена, преграждая директору путь из кабинета. — Они любят меня, знают меня. И Телегин со мной уже целый год занимается.

— Говоришь, Телегин? — спрашивает Никита Антонович и вдруг начинает снимать галоши.

— Ну да, — уверяет Лена. — Он за меня ручается.

Никита Антонович с интересом разглядывает ее.

— Никита Антонович, — не унимается девушка, — ведь вы знаете, что тигры меня слушаются! Стоит мне только сказать, — она становится в позицию и командует: — Пурш! Алле! И ведь идет куда надо.

— Хм-м... хм-м... — в раздумье бормочет Никита Антонович, улыбаясь. — А у тебя ведь кураж есть. Так, значит, хочешь взять тигров? — Он отступает и снова разглядывает ее.

Девушка бросается к нему на шею.

— Ой, Никита Антонович!

— Молодец, молодец! — с удовольствием говорит Никита Антонович и вдруг задумывается. — А Телегин ручается за тебя?

— Ручается!

— Вот это молодежь! — потирает руки Никита Антонович. — Но, позволь, а как же Ермолаев? Га-

строльная поездка! Да нет, не пойдет! — И он снова надевает свои галоши.

— Как не пойдет? Никита Антонович! — охает Лена. — Ну, что вы! Федор Николаич — он настоящий человек, он меня поймет. Он не может меня не понять!

— Вообще-то он должен тебя понять! — загорается Никита Антонович и снова снимает галоши. — Вот что! Ты с ним обязательно поговори, а я попробую связаться с Главным управлением цирков.

Гардеробная цирка. Потолок ее скошен, на стенах пестрые афиши. Посреди гардеробной стоит огромный раскрытый сундук с цирковыми наклейками. Насвистывая, Федор укладывается. Радостно встречает он вбежавшую Лену:

— Наконец-то! Давайте, лентяйка, укладываться. У нас ничего не готово.

— Федор Николаич, — подходит к нему девушка. — А ведь я никуда не еду.

— Леночка, времени для шуток осталось очень мало, — посмеивается Федор.

— Я не шучу, — серьезно говорит она. — Я взяла тигров.

— Чего-чего? — не понимает Федор.

— Федор Николаич, я взяла тигров Алмазова.

— Но... но... это же опасно! — растерян Федор. — Это рискованно, Лена...

— Для меня не больше, чем для других.

Федор приходит наконец в себя.

— Погодите, погодите... Я ничего не понимаю. А как же наш номер? Поездка?

Она подходит к нему. Лицо ее становится умоляющим:

— Понимаете, Федор Николаич... Меня ведь очень легко заменить в вашем номере... Это может сделать любая актриса. Ну, я не знаю, какая, но любая, любая...

Только теперь Федор понимает все; обида разгорается в нем неудержимо.

— Этой другой надо несколько репетиций, — горячо толкует ему Лена. Но он, пожалуй, не слышит ее.

— А поездка? — зло спрашивает он. — Нет, Лена, это совершенно невозможно!

Вещи в беспорядке летят на дно сундука.

— Федор Николаич, — снова начинает Лена, пытаясь успокоить Федора. — Но я ничего не делаю в вашем номере. Вы меня должны, должны понять. Ведь это мое призвание, ну, можно сказать, — просто моя судьба!

— Откровенно говоря, я от вас этого не ожидал, — с горечью говорит Федор. — И когда? В день отъезда! Почему вы не поговорили со мной? Почему? Ну можно ли так, Лена?

Она подходит совсем близко к нему, нежно берет его руку.

— Не сердитесь на меня, Федор Николаич!

— Не утешайте меня, я не ребенок, — гневно говорит он и отворачивается.

— Не можете вы меня понять... — вздыхает она.

— Нет, это вы меня не можете понять!

— Не-ет. Я вас отлично понимаю, — вспыхивает Лена. — Значит, ваш собственный номер дороже моей судьбы? Вот я и понимаю, чего вы хотите, — наступает

она на него. — Ведь вы хотите, чтобы я всю жизнь была ассистенткой в вашем номере! И чистила вам мотоцикл? Да?

— Лена... — с упреком возражает Федор.

— Ну, конечно, — кричит девушка, — чем же вы тогда лучше Казимира Алмазова? Чем?

— Лена!

Но она чувствует себя крайне обиженной.

— Ведь он тоже хотел все время держать меня на конюшне с метлой!

— Да вы соображаете, что вы сейчас говорите? — в отчаянье спрашивает Федор.

— Соображаю!

— Как вам не стыдно, — очень тихо говорит Федор.

Она бросается к двери, но тотчас возвращается:

— Ничего мне не стыдно, и вы, просто значит, эгоист! И не кидайте, пожалуйста, мои вещи в сундук.

— Нет! — возмущен Федор. — Это просто смешно! Ну, честное слово, смешно! Какая вы укротительница?! Вы посмотрите на себя в зеркало! Вы — в клетке с тиграми! Пигалица!

— Пи-га-ли-ца? — ахает Лена. — Пи-га-ли-ца?! — и, переведя дыхание, она выпаливает. — Ну, знаете... Нам с вами просто не о чем больше разговаривать!

Это звучит как торжественная клятва, однако она тут же нарушает ее, горестно вскрикнув:

— Я никогда не думала, что мы с вами... вот так вот расстанемся...

Дверь хлопает за ней, и ревет она уже в коридоре.

— Лена, Лена! — доносится из гардеробной крик Федора.

Но она бежит от него, полагая, видимо, что убежать можно от всего...

— Одну минуточку! У директора совещание. Туда нельзя! — пытается остановить Федора секретарь директора.

Где там! Не слушая ее, он прямо-таки врывается в кабинет.

— Никита Антоныч, я категорически... — вдруг он замечает, что в кабинете только Телегин и иллюзионист.

— Ну, что это такое? — страдальчески спрашивает иллюзионист. — Почему мешают работать? Директор лично проверяет мою аппаратуру. В чем дело? Подождите, Федор Николаич, десять минут.

Федор оглядывается и даже пугается: в углу кабинета на высоком столике с тоненькими никелированными ножками красуется голова — но только голова! — директора. Туловище... отсутствует.

— Никита Ан... Антоныч... — мямлит Федор.

— В чем дело, Федор Николаич? Я занят, у меня совещание, — вещает голова директора. — Осторожно, это моя голова, — предупреждает он шагнувшего к столику Федора. — Ну как — получается?

— У вас все получается, — приходит в себя Федор. — А вот у меня ничего не получается! Я решительно против того, чтобы Воронцова уходила из моего номера. Я не могу без нее!

— Что-что? — переспрашивает «голова».

— И главное — в день отъезда, Никита Антоныч, — поспешно поправляется Федор.

— Позвольте, позвольте, — удивлен Никита Антонович. — Но разве она с вами не поговорила?

— Ну, поговорила, — сердится Федор, — но мне-то от этого не легче.

— Успокойтесь! Прежде всего успокойтесь! — досадует Никита Антонович.

— Товарищ Ермолаев, — умоляюще говорит иллюзионист, — зашли бы через десять минут. Ведь аттракцион «Говорящая голова» разваливается. Вы мешаете!

— Да выпустите меня отсюда в конце концов! — теряет терпение «говорящая голова».

Обнажая несложную конструкцию аттракциона, иллюзионист «выпускает» директора.

— Ну как можно быть спокойным, Никита Антонович! — бушует Федор. — Разбивается с трудом налаженный номер! Ну кому могла прийти в голову эта дурацкая затея с тиграми?!

— Прежде всего это желание самой Воронцовой, — сердито говорит директор, — поддержано мной!

— И мной, — веско добавляет Телегин.

— И комсомольской организацией, — «добивает» Никита Антонович. — Кроме того, я говорил с Управлением цирков — там одобряют.

— Непонятно! — угрюмо говорит Федор.

— Ну, не огорчайтесь, Федор Николаич, — успокаивает его Никита Антонович. — Никто не собирается разбивать ваш номер. Подберете подходящую партнершу... отретепируете. Кстати, есть уже и девушка на примете...

— Олечка — из кордебалета, — подтверждает Телегин, и они оба ждут решения Федора.

— А мне теперь все равно, Никита Антоныч,— машет тот рукой.— Олечка, Валечка, Манечка!

И, проиграв сражение со всеми возможными потереями, Федор уходит из кабинета.

— Расстроился парень... — усмехается Телегин.

А иллюзионисту не до смеха. Он огорчен и возмущен. Шатаясь, подходит он к директору и умоляюще спрашивает, переврав от волнения слова:

— Никита Антоныч, а как же «головащая голова»?

— Что-что? — переспрашивает директор.

— То есть, мой номер — «Говорящая голова», — поясняет иллюзионист. И вдруг собственная голова его со спутанными волосами и блуждающими глазами резко поворачивается на 180 градусов. — Может быть, поставим ее вот так, а?

— Да подождите вы с вашей головой! — прикрикивает директор. — У меня у самого голова кругом!

Олечка топчется в коридоре у двери директорской приемной и, как только Федор появляется оттуда, бежит к нему навстречу.

— Ну что? Решили? — осведомляется она с тревогой.

— Решили! — хмуро говорит Федор. — Едете вы!

Олечка делает попытку упасть от счастья в обморок, но в коридоре появляется Лена.

— Товарищ Воронцова, я попрошу вас сдать костюмы и реквизит. Можно сейчас. — Он старается говорить официально.

— Хорошо, — в том же тоне отвечает Лена. — Кому?

— Вот ей! — Федор кивает в сторону Олечки.

Он хочет уйти, но, указав на Лену, Олечка протодушно говорит:

— Федор Николаич! Но она же низенькая и толстая. Все будет не по мне!

— Разберетесь как-нибудь, — отмахивается Федор на ходу.

Олечка критически оглядывает фигуру Лены и приходит в ужас:

— Нет, на мне все будет висеть!

— Возьмете ниточку, — прищурясь, говорит Лена, — иголочку и ушьете. Идемте!

Олечка еле успевает за ней, но времени отнюдь не теряет:

— Простите. Я хотела вас спросить кое о чем... Насчет Федора Николаича. Вы с ним работали. Что у него за характер?

На секунду остановившись, Лена говорит безапелляционно:

— Скверный.

— Да? — удивлена Олечка.

— Эгоист! — режет Лена.

— Но все-таки он хоть чем-нибудь увлекается? В глазах Лены вспыхивают озорные огоньки:

— Помидорами!

Они доходят до гардеробной, и она распаивает перед Олечкой дверь:

— Прошу.

Озадаченное лицо Ольги.

— Помидорами?.. — Пожав плечами, она продолжает разведку: — Скажите, пожалуйста, он вам никогда не нравился?

— Он?! — Лена отступает с таким видом, как если бы в этом вопросе была самая возмутительная клевета. — Длинный, курносый... Вот еще!

— Я вам скажу по секрету, — шепчет ей Олечка, — я в него влюблена... вот так... — она показывает рукой выше головы, что, естественно, не может оставить Лену равнодушной.

— Ну и напрасно! — с сожалением покачивает она головой.

— Почему? — беспокоена Олечка.

— А он... женат, — выпаливает Лена столь же неожиданно для Олечки, сколь и для себя.

— Женат?! — всплескивает Олечка руками.

(Ну, теперь этот ржавый крючок проглочен!)

— Говорят, что у него трое детей, — безмятежно сообщает Лена. — Двое в Пензе, а один... да, один на Камчатке.

Олечка погружается в состояние горестного транса, но Лена быстро выводит ее из этого состояния, нажав громкий клаксон мотоцикла.

— Принимайте реквизит, — бесцеремонно командует она. — Мотоцикл. Концы... — сует ей грязные концы, — сундук. До свиданья!

Сбитая с толку, Олечка остается в гардеробной одна.

— Ай-яй-яй-яй, — уныло вздыхает она. — Двое в Пензе и один на Камчатке... Ужас...

Вокзал. Обычная суета перед отходом поезда: объятия, поцелуи, цветы. В толпе пассажиров мы видим Федора, который пробирается к своему вагону,

осматриваясь по сторонам. Несомненно, он надеется увидеть Лену. Но, увы... У вагона только Олечка, Ферапонт Ильич и Мария Михайловна.

— Олечка, читай, пожалуйста, газеты, — вполголоса напутствует мать. — Покупай ежедневно. Двадцать копеек — это не расход, а нужно быть в курсе событий. Важно, что ты с ним рядом. Понимаешь?..

— Понимаю, понимаю, мамочка, — отвечает Олечка.

— Ну-ну... И не забудь вешать перед ним свой портрет, он постепенно привыкнет. Как это называется? Ах, да! Рефлекс... Ну, прощай.

Они целуются, и Олечка попадает в объятия отца. Затем она торжественно входит в вагон.

Запыхавшись, на перрон вбегает Лена. Она явно растеряна. Сейчас он уезжает... Федор уезжает... Переводя дух, она останавливается у колонны.

— Федор Николаич, — обращается Мария Михайловна к Федору, и Лена слышит это. — Я вас прошу, как мать, присмотрите за Олечкой. Федор Николаич, — цепляется она за его рукав, — я надеюсь на вас.

— Да-да... — обещает Федор. — До свиданья, Ферапонт Ильич!

— До свиданья, Федор Николаич!

— До свиданья, Олечка! — вопит Мария Михайловна и машет платочком. — Федор Николаич, присмотрите за Олечкой!

Поезд трогается. Федор стоит на площадке, и перрон для него безлюден.

Лена с полными слез глазами попрежнему прячется за колонной, так и не решившись попрощаться с Федором.

Ферапонт Ильич и Мария Михайловна машут вслед платками, и, когда хвост поезда скрывается, Мария Михайловна резюмирует:

— Можно считать, что Олечка пристроена. Гора с плеч! Теперь я могу умереть спокойно.— Она замечает продавщицу мороженого и сразу оживляется. — Эскимо?! Три порции.

— Машенька! — укоризненно говорит Ферапонт Ильич.— Перед смертью... не много ли будет?

Сквозь железные прутья установленной на манеже клетки виден униформист. В руках у него пожарный брандспойт, из которого сочится под напором струйка воды.

Телегин с вилами-тройчатками в руке наблюдает за ночной репетицией Лены.

Девушка решительно наступает на тигра:

— Сюда, Пурш! Ко мне!

— Леночка,— шепчет Телегин,— работаешь с Пуршем, не выпускай из виду Неро, Ахилла... Держи их все время «на мушке».

— На чем? — не понимает Лена.

— Ну, чтобы глаз все время следил... «на мушке».

Лена замечает, что Байкал нервно хлещет себя хвостом.

— Байкал! — она угрожающе поднимает палку: —

Ну, давай, алле!

Байкал рычит.

— Наступай, Лена, наступай,— приказывает Телегин.

Она делает шаг вперед, и, отступив, зверь прижимается к прутьям клетки.

— На место, Байкал! — кричит Лена.— Я кому говорю — на место! — Она бесстрашно идет на зверя. Люто огрызнувшись, тигр прыгает к ней. Лена отскакивает к решетке и в изнеможении прижимается к ней спиной.

Гремит цирковой марш. Один за другим сменяются красочные рекламные плакаты с изображением летящего в воздухе мотоцикла. На плакатах зажигаются электрические буквы: «Федор Ермолаев», «Федор Ермолаев». Проплывают названия городов: Казань, Ростов, Харьков, Киев. Стремительный калейдоскоп этих кадров сменяется мягкими полутенями спального железнодорожного купе, освещенного настольной лампой под кремовым абажуром. Мерно стучат колеса. Сидящие друг против друга Федор и Олечка молчат.

Федор рисует в блокноте, и профиль девушки напоминает Лену Воронцову. Олечка, позевывая, просматривает газету «Советская торговля».

— Федор Николаич...

— Что, Леночка? — рассеянно спрашивает Федор.

— Я не Леночка, а Олечка,— укоризненно замечает она. — Не так уж трудно запомнить.

— Извините, пожалуйста...— смущен Федор.

Олечка достает из корзинки два огромных помидора и, многозначительно взглянув на Федора, любезно предлагает:

— Ваши любимые...

— Что? — спрашивает Федор, с отвращением глядя на помидоры.

— Помидоры... — кокетливо сообщает Олечка.

— Да я их с детства терпеть не могу! — морщится Федор. — У меня от них что-то вроде крапивной лихорадки.

Олечка совершенно обескуражена.

— Ай-яй-яй, как же так?!

А она так надеялась на помидоры...

Паровозный гудок. Мчится поезд.

Цирк. Лена кормит тигра. Из холстинного мешочка, висящего через ее плечо, она достает кусок мяса, натывает его на острую палочку:

— На конфетку, Пурш!

На конюшне появляется Телегин.

— Прекрасно работала, Лена, — хвалит он девушку. — Отдыхай, и будем продолжать репетицию.

Она кивает, мурлычет песенку: «За какое преступление впал в немилость...». Подходит Ферапонт Ильич с газетой в руке. Выглядит он чрезвычайно важным.

— Товарищ Телегин, поздравьте меня! — помахивает он газетой. — Посмотрите-ка, что здесь напечатано! Артист Ермолаев и моя дочь Олечка. Успех!

Телегин заглядывает в газету.

— Поздравляю, Ферапонт Ильич, поздравляю.

Песенка стихает, Лена подходит к Телегину и тоже заглядывает в газету.

— Ах!.. И... я... вот вас тоже поздравляю... — говорит она явно растерянно.

Ферапонт Ильич на седьмом небе. Счастье его не поддается описанию!

— Между прочим, — доверительно сообщает он, — на днях приезжают. — На добром лице его появляется мечтательная улыбка. — А чем черт не шутит... возможно, они того... а? — не то спрашивает, не то утверждает он, отходя.

— Ну, пошли репетировать, — смеется Телегин, глядя ему вслед. — Э-э... ты о чем задумалась? Лена! Идем! Что с тобой, Лена?

Можно привыкнуть к укусам пчел. Но к укусам ревности — никогда! Бич падает из рук Лены в опилки, и, припав к решетке, за которой сочувственно ворчит тигр, она ревет.

— Ну как тебе не стыдно! — утешает Телегин. — Ведь у тебя завтра первое выступление! Надо уметь владеть собой... А еще укротительница! Перестань плакать! Ну мало ли что в жизни бывает. Ну, пойдем, пойдем, — обнимает он девушку, пытаясь оторвать от решетки.

Но Лена крепко держится за нее, губы ее вспухли, слезы бегут неудержимо.

С манежа доносится бравурная полька. Телегин ошеломлен. Некоторое время он расхаживает по конюшне, не зная, что предпринять, потом находит выход:

— Ну, вот что, плакса, в таком виде я тебя на манеж не выпущу! И сейчас же пойду к директору и заявлю, что снимаю с себя всякую ответственность...

— Что? — поднимает голову Лена.

— Да-да, — повышает голос Телегин. — Пусть отменяют представление.

— Что-о?! — вспыхивает Лена. — Да вы понимаете, что говорите? Я все равно войду в клетку!

— А я не пушу! — гаркает Телегин.

— А я вам говорю, войду! — наступает на него девушка.

— Нет! — гремит Телегин, с интересом поглядывая на нее.

Она топает ногой, щеки ее вспыхивают, глаза сверкают.

— Вы не смеете! Как это — нет? Да вы что?! Что вы?! Я войду в клетку!!!

— Не войдешь! — дразнит ее Телегин, едва сдерживаясь, и вдруг обнимает. — Молодец, Лена! Вот это характер!

— У меня ужасный характер... — смущенно шепчет девушка.

— Замечательный! — убежденно утверждает Телегин. — Вот такой тиграм и нужен.

Весьма довольный, он спешит на манеж, а Лена вздыхает.

— Но он-то не тигр. Он — человек...

Гремят аплодисменты. Аплодируют даже униформисты, стоящие у форганга провинциального цирка, где гастролирует Ермолаев. Олечка и Федор выбегают с манежа за кулисы.

— Вы не можете кланяться немножко поскромнее? — строгим шепотом спрашивает Федор у партерши.

— Федор Николаич! — восклицает Олечка, топя от восторга стройными ножками. — Какой успех!

Я всегда мечтала об этом. Ой! — она кружится на одном месте, потом обнимает Федора за плечи. — Большое вам спасибо за все, за все!

— Пожалуйста, — хмуро отстраняется Федор.

— Я так счастлива... — щебечет Олечка. — Ой! А какие мужчины! — шепчет она блестя глазами.

Федор испуганно оглядывается по сторонам.

— Слушайте, Оля, ну просто тошно!

— Федор Николаич, — кокетничает Олечка, напропалую строя глазки. — Ну не сердитесь на меня.

— Но вы глупости говорите! Глупости!

Лицо Олечки принимает плутовское выражение.

— Я отлично понимаю все ваши переживания, Федор Николаич. Я все знаю. Вы женаты. И у вас трое детей: двое — в Пензе, один — на Камчатке! Так?

— Вы с ума сошли! — ошарашен Федор.

— Я? — невинно переспрашивает Олечка, взбивая и без того затейливую прическу.

С манежа снова доносятся аплодисменты. К Федору и Ольге подбегает инспектор и приглашает их на манеж.

Олечка подхватывает Федора под руку и вприпрыжку бежит на манеж. Она от души счастлива сейчас и раскланивается, рассылая во все стороны обольстительные улыбки и щедрые воздушные поцелуи. Федор еле уводит ее с манежа.

— Приезжайте еще! Хорошо поработали! Хороший номер! — хвалят их за кулисами.

— До свидания, — прощается Федор и шепчет Ольге. — Безобразие, идите-ка сюда, — он отводит ее в угол. — Придумали тоже... Двое в Пензе... Кто вам сказал эту чепуху?

— Леночка Воронцова, — пожимает она плечами.

— Лена?

Не веря своей вздорной партнерше, Федор испуганно глядит на нее.

— Не верите? — спрашивает Олечка. — Можете сами ее спросить. Да, кстати, у нее завтра дебют.

— Как завтра?

— Мне папа написал, — говорит Олечка.

Федор задумывается, но всего на секунду.

— Слушайте, Оля. Я вас очень прошу — проследите за отправкой багажа. Я поеду сегодня.

Он бросается к выходу, а она сердито кричит:

— Но сегодня нет поезда!

— Ничего, доберусь как-нибудь, — не оборачивается он.

Растерявшись, Олечка надувает губки.

— Длинный... курносый... Ничего интересного...

Ночь. Загородное шоссе. По его тусклому асфальту стремительно летит одинокая мотоциклетная фара. Это мчится Федор. Его кожаное пальто забрызгано грязью, он почти лежит на руле.

Объезд.

Безбрежные лужи поселка.

Овраг.

И вот он снова выезжает на шоссе, зарозовевшее от восходящего солнца.

Грохот мотора сливается с грохотом поезда, идущего к железнодорожному переезду.

Полосатый шлагбаум опускает перед мотоциклом большой рубиновый фонарь, но, к ужасу сонной путе-

вой обходчицы, Федор не снижает скорости и проскакивает под шлагбаумом.

Музыка. На ярко освещенном манеже выступает группа жонглеров.

Кулисы. По лестнице, ведущей в артистическую гардеробную Лены, с огромным букетом цветов поднимается Мокин. Он идет торжественно, как на параде. Марш, глухо доносящийся с манежа, провожает его по коридору. Он останавливается у двери гардеробной, оправляет на себе китель, критически оценивает свой букет и встряхивает его.

Гардеробная Лены. Девушка неузнаваема сейчас: в нарядном бархатном костюме укротительницы она стоит перед зеркалом, а мать ходит вокруг нее, внимательно осматривая ее с головы до ног, обутых в лаковые сапожки с кисточками.

— Все очень, очень оригинально, Леночка! — Она снимает с себя медальон и, застенчиво улыбаясь, надевает его на шею дочери. — Этот медальон твой отец подарил мне в день моего первого выступления.

Они обнимаются. Лена целует мать и оборачивается на стук в дверь.

— Ой, кто это может быть?

Эмми Степановна решительно выходит в коридор. Перед нею Петя Мокин.

— Тише, — шепчет Эмми Степановна и, оттеснив его от двери, значительно поясняет: — За этой дверью, Петя, рождается артистка! Да-да, я знаю. Я тоже рождалась.

Мокин пытается что-то сказать, но успевает произнести только:

— Я...

— Петечка, не надо волновать Лену перед выступлением, — перебивает Эмми Степановна. — Умоляю тебя, дорогой. Пойми ее состояние.

Она внимательно оглядывает взволнованного кавалера и снисходит до более подробного объяснения:

— Представь себе, что через несколько минут ты должен войти в клетку с тиграми. А вдруг тебе начнут объясняться в любви. Потом, Петечка, потом... После них... — говорит она, прислушиваясь к недалекому рычанию тигров. — Как я волнуюсь, Петечка!

— А вы думаете я спокоен? — шепчет Мокин и тоже прислушивается к рычанию хищников. — У-у, гады!

Подъезд цирка. Ярко горят электрические фонари и цветные неоновые лампы, освещая громадный плакат с четырьмя тиграми и девушкой-укротительницей. Огромными буквами написано: «Елена Воронцова — укротительница тигров».

Федор оставляет мотоцикл у афиши и вбегает в боковой подъезд.

Конюшня. Ожидая выхода Лены, Мокин в волнении рассказывает с букетом цветов и вдруг видит Федора. Его одежда и лицо залеплены грязью.

— Федор Николаич! — окликает его Мокин.

— О, Петя! Здравствуй, друг! — оборачивается Федор.

— Здравствуйте, Федор Николаич, — приветливо говорит Мокин. — Приехали?

— Да, прибыл... не опоздал, — в некоторой растерянности говорит Ермолаев. — Ну?.. — смотрит он на часы. — Как Лена? Где она?

— Там, у себя, — важно отвечает Мокин, указывая пальцем в потолок конюшни, и, заметя движение Федора, тотчас останавливает его. — Нельзя, Федор Николаич. Никого не пускают. Через три минуты выход. Слышите — третий звонок!

Не глядя на Мокина, Федор нервно бормочет:

— Так-так... понятно... Ну а ты чего это?

— Чего? — не понимает Мокин.

Федор оглядывает его букет и отглаженный, с иголочки китель.

— Зачем при таком параде? С букетом...

— Да вот, Федор Николаич, имею решение, — стремительно сообщает Мокин. — Хочу срочно жениться и в деревню ее, к тетке, понимаете? В случае чего ногой топну, и мужа послушает.

— Та-ак... — смущен Федор. — Ты что же, согласие ее получил?

— Будет! — решительно говорит Мокин, но тут же вянет. — Но когда — сам не знаю. Только, понимаете, наступает подходящий момент, чтобы объясниться, а он точно гиря.

— Кто? — не понимает Федор.

— Язык, — угрюмо признается Мокин и достает из кармана письмо. — Вот, Федор Николаич, написал письмо. Не знаю — плохо, не знаю — хорошо... Послушайте! — он читает с хода. — «Здравствуй, Лена!..»

— Да нет уж, ты меня, Петя, уволь... — сердито говорит Федор. — Я в этих делах не советчик.

— Нет-нет, Федор Николаич, ум хорошо, а два лучше, — настаивает Мокин и продолжает: — «Здравствуй, Лена! Если металл сначала раскалить добела, а потом сразу в холодную воду, то он все равно закалется. Так и я...»

Федор отворачивается.

— Ну как? Ничего? — живо осведомляется Мокин.

— Что? — глухо и невпопад спрашивает Федор.

Только теперь Мокин замечает неладное. Отступя и еще раз внимательно и тревожно оглядев Федора, он по-новому оценивает его усталое, расстроенное лицо.

— Это вы что... к ней приехали?... К Лене? — тихо спрашивает он.

Федор кивает.

— Так, значит... — Мокин растерян и, не зная, что же теперь ему сказать, торопливо добавляет: — Нет... вы...

— Слушай, Петя, — обрывает его Федор. — Я...

— Нет-нет! — в страхе перебивает его Мокин. — Нет-нет, Федор Николаич, так не выйдет!

Он опасливо пятится, слезы навертываются на его глаза...

Железный коридор установлен из конюшни на манеж. Сейчас по нему пробегут тигры. Последние минуты перед выходом. Сквозь прутья железного коридора мы видим инспектора и директора цирка, Василия Васильевича в парадной униформе и Лену в бархатном костюме с блестками.

— Папа! — говорит девушка. — Пора.

— Объявляю... — не то утверждает, не то спрашивает инспектор.

Она кивает. Губы ее вздрагивают, но она только крепче сжимает их. Директор тоже очень взволнован.

— Я человек не суеверный, — говорит он, — но... вот что... Ни пуха тебе, ни пера!

— К черту! К черту! — мгновенно отвечает Лена по примете.

— Воронцова! — укоризненно восклицает директор, — этого я не ожидал...

С манежа доносится громовой голос инспектора:

— Сегодня...

Телегин подходит к своей воспитаннице и вручает ей тяжелый тигровый бич.

Манеж. Инспектор продолжает объявление аттракциона:

— ...Впервые на манеже нашего цирка выступит молодая артистка Елена Воронцова с группой дрессированных тигров!

Музыка.

По железному коридору, глухо рыча и огрызаясь друг на друга, тяжелой трусой бегут четыре тигра. За ними, согнувшись под решетчатой кровлей, идет Лена, подгоняя отстающих.

Тигры выбегают на манеж и, ослепленные ярким светом, дружно ворчат на публику, потом на Лену, исполняющую цирковой «комплимент».

Молодую артистку встречают аплодисментами, и, пока она рассказывает тигров по тумбам, мы видим в

партере Мокина, окруженного товарищами и сослуживцами по буксиру.

— Одобряю! — шепчет боцман, кивая на манеж, но Мокин только отмахивается. Опасность, в которой находится любимая, и собственное бессилие выводят его из себя.

Василий Васильевич и Эмми Степановна с тревогой наблюдают за номером.

— Алле! — удар бича. — Алле...

Один из тигров пытается хватить девушку лапой. Шорох волнения проходит по рядам, и Мокин почти стонет:

— И чего смотрит охрана труда...

Тигры прыгают с тумбы на тумбу. Лена изящно и уверенно ведет номер, звонко покрикивая на зверей.

— Алле, Пурш! Неро, алле! Алле!

— Да-а, — озабоченно шепчет боцман на ухо Мокину, — такая жена — серьезная перспектива для семейной жизни. Ну что ей муж? Комар — и все. Ты смотри, Петр, как она на тигров цыкает. Крикнет она тебе после загса-то: «Алле, Мокин!..»

— Да брось ты! — досадует Мокин, с замиранием сердца и страхом глядя на манеж.

Но знакомый нам баянист буксира, сидящий с другой стороны, оканчивает мысль боцмана:

— И будешь прыгать с тумбы на тумбу!

Гремит музыка. На манеже устроена карусель, которую рыча вертит Пурш. Лена стоит на вершине карусели. Тигры важно сидят у ее ног.

Телегин и Василий Васильевич удовлетворенно переглядываются.

Аплодисменты. Тигры катают по манежу серебряные шары, цепко сидя на них.

В боковом проходе стоит Федор, глядит.

Телегин сквозь прутья клетки передает Лене горящий факел. В цирке становится темно. Девушка поджигает обруч, он горит, призрачно освещая молодую укротительницу и заворчавших тигров.

Прыжок! Второй! Полосатые тела хищников мелькают в чадающем обруче. Тигры гневно ревут, негодуяще фыркая в усы.

Свет. Музыка. Завершая номер, тигры скачут через барьер. Последний звонкий удар бича, и железная дверь коридора поглощает хищников.

Облегченно вздохнув, инспектор манежа входит в клетку и подносит девушке букет цветов.

Аплодисменты гремят.

Подбежав к Телегину, Лена вытаскивает его на манеж и передает ему свой букет. Расстроженный старик раскланивается, девушка целует его, а дирижер едва не падает через барьер оркестра, дирижируя неистовым тушем.

— Браво! Бис! Браво! — кричат в публике.

Кулисы цирка. К директору подбегает редактор стенной газеты Мышкин, восторженно вопит:

— Ну что, Никита Антоныч! Разве молодежь когда-нибудь подводила руководство?

— Поздравляю! Молодцы! Поздравляю! — жмет ему руку директор. — Мне так понравилось, что я даже похудел. — И он оттопыривает свой пиджак, который по непонятным причинам стал ему широк.

А успех катится по цирку веселым колесом.

Лену и Телегина окружают артисты, дарят цветы, обнимают, целуют, пожимают руки.

— Ну, папка, теперь очередь за тобой! — кричит Лена отцу.

— Тренируюсь, доченька, тренируюсь! — отвечает старик.

Эмми Степановна подбегает к директору и, смеясь, спрашивает его:

— А может, и мне, Никита Антоныч, потряхнуть стариной и начать танцевать на лошади?

— Тебе, наверно, хочется побыть одной? — тихо спрашивает у дочери отец.

Лена кивает и скрывается в своей гардеробной.

Василий Васильевич и Эмми Степановна переглядываются и вдруг... целуются.

Войдя в гардеробную, Лена к своему удивлению видит посреди комнаты Мокина все с тем же букетом цветов.

— Петя! Петенька! — кричит девушка и, закружив его, бросается в кресло. — Ну что? — спрашивает она ликуя. — Съели меня тигры? Съели?

— Ну, Алена, — машет рукой Мокин, — считай, что постарел я за этот вечер на двадцать лет.

Она смеется, а он укоризненно спрашивает:

— Смеешься? А мне не до смеха было. Дай-ка я воды выпью. А? Где у тебя стакан? А то, может, валерьяновка есть? — суетится Мокин и вдруг запоздало ахает: — Вот работа! А рычат... как звери! То есть... ну в общем понятно...

Она смеется, но он, напротив, делается очень серьезным и, застегнув на кителе все пуговицы, подходит

к Лене. Голос его торжествен и то и дело перехватывается от волнения.

— Елена Васильевна... кгм-м... Елена Васильевна... — встряхнув букет, он передает его девушке, — поддержи букет, он мне мешает... — лихорадочно порывшись по карманам, он вручает ей письмо. — На... Читай!

— Что это? — спрашивает Лена, вертя в руках мятый листок.

— И тут же, слышишь?! Тут же ответь! — строго говорит Мокин.

— «Здравствуй, Лена!» — читает она, удивленно смотрит на Мокина и прыскает: — Ну здравствуй, Петя!

Он нетерпеливо указывает на свое письмо.

— «Если металл раскалить сначала добела...» — продолжает она читать. — Подожди, это что? Рационализаторское предложение?

— Да ты читай, дальше читай! — вспыхивает Мокин. — Да! Предложение! Только не рационализаторское, а руки и сердца! Вот! И тут же, слышишь, Лена, сейчас же — ответь!

В смятении она поднимается с кресла и некоторое время растерянно глядит на Петю. Потом говорит срывающимся голосом:

— Петенька... Петя... ты мой самый лучший... самый хороший... ты мой единственный друг! Только...

Она обнимает его, опускает голову на плечо, плачет.

Он стоит не шевелясь.

— Любишь его? — серьезно и чуть удивленно спрашивает Мокин.

В комнату входит Федор.

Увидя Лену в объятиях соперника, он пытается к двери, намереваясь уйти.

— Простите...

Лена поднимает заплаканные глаза, и вдруг в лице ее вздрагивает какая-то затаенная жилочка, и улыбка расцветает на нем неудержимо.

— Федя!

Он не знает, уйти ему или оставаться. Наконец, крепко пожимает руку девушке.

— Поздравляю вас, Лена, от всей души!

— Спасибо... — кивает Лена.

— С большим успехом вас!

— Спасибо...

Оба не находят слов, но Федор, глядя на Мокина, все же выдавливает из себя:

— Вот... И вообще поздравляю...

Мокин жалобно улыбается.

— Спасибо... То есть меня-то поздравлять не с чем, Федор Николаич.— Голос его крепнет.— Это я вас поздравляю... и пожелаю счастья! Большого, большого, Лена, счастья.

Он хватает фуражку и как-то боком поспешно выбирается из гардеробной.

— Петр! — кричит вслед Федор. Но дверь захлопывается, и, пожалуй, только теперь он понимает вдруг все.

— Сядьте, Лена...— просит Федор, порывисто схватив девушку за руки.— Я был неправ. Не знаю, будем ли мы когда-нибудь с вами вместе...

Она молча глядит на него.

— Но если один месяц в году, неделю, день, вот

как сейчас, я буду с вами, я буду счастлив, — тихо говорит он.— А вы?

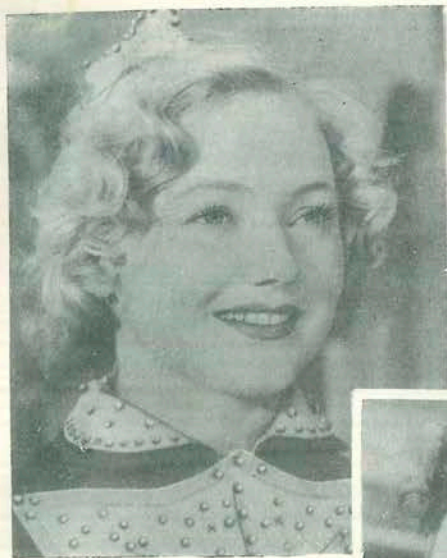
Всхлипнув, она обнимает его.

— Ай-й-й-й, как не стыдно обнимать женатого человека,— укоризненно шепчет он.— Трое детей. Двое в Пензе и один на Камчатке...

Она молча жарко и быстро целует его.

— Эх... вы — пигалица... — счастливо вздыхает он и гладит ее волосы, ее руки, дрожащие в его руках.

Артистка Л. Касакина
в роли Лены Воронцовой.

Артист П. Кадочников
в роли Федора Ермолаева.

Алмазов указывает тигру на диван...

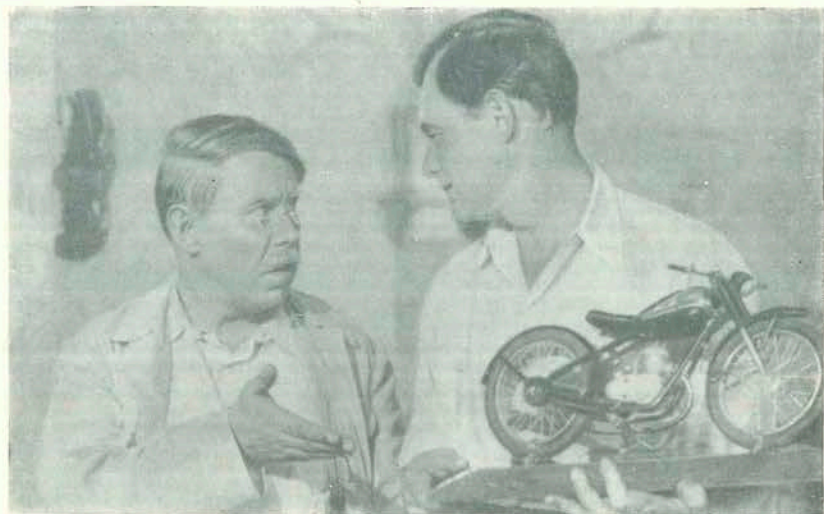
— Где тигр? Где тигр? — стуча зубами, вопрошает Василий Васильевич.

— Отчет! — стонет Ферапонт Ильич.

— Соглашайтесь, пожалуйста... А я у вас буду ассистенткой. Можно?

— О чем тут думать, батенька?
Да вы знаете, что такое цирк?
Это сила, смелость, красота! (Вверху)

— Ты почему, лентяй, через
обруч вчера не прыгал, а?

Федор и Лена снова вы-
бегают на манеж и снова
раскланиваются.

— Сюда, Пурш, ко мне!

— Говорят, что у него
грое детей, — безмя-
гежно сообщает Ле-
на.. — Двое в Пензе,
а один... да, один
на Камчатке.

Лена изящно и уве-
ренно ведет номер,
звонко покрикивая на
зверей.

— «Здравстуй Ле-
на!» — читает девуш-
ка и, удивленно погля-
дев на Мокина, пры-
скает:—Ну здравстуй,
Петя!

— Поздравляю вас,
Лена, от всей души!

—...Если один месяц
в году, неделю, день,
вот как сейчас, я буду
с вами, я буду счастлив.

Клементий Борисович Минц
Евгений Михайлович Помещиков
«УКРОТИТЕЛЬНИЦА ТИГРОВ»

Редактор *Н. Г. Зеличенко*
Обложка художника *В. П. Высоцкого*
Художественный редактор *Э. Э. Ринчино*
Технический редактор *М. А. Панкратова*
Корректор *Л. Б. Гусятинская*

Сдано в набор 2/1 1956 г. Подп. к печ.
25/11 1956 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₃₂.

Печ. л. 3,125. (Условных 3,974).

Уч.-изд. л. 3,541. Тираж 12 000 экз.

Ш02287. Изд. № 15113. Зак. тип. 7.

Изд-во «Искусство», Цветной бульвар, 25

Москва. Набрано в Экспериментальной
типографии ВНИИПит.

Отпечатано в типографии

№ 5 Углетехиздата, Москва.

Южно-портовый 1-й проезд, 17.

Зак. № 1306

Цена 1 р. 95 к.

1 р. 95 к.